

ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ

Проект братъев Стругацких

Константин Кривчиков

ХРОНИКИ АДА

Константин Кривчиков
Хроники ада
Серия «Пикник на обочине»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10716442
Кривчиков, Константин Юрьевич Хроники ада: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091433-3

Аннотация

Никто не хочет умирать.

Но как жить, если все твои близкие погибли и воспоминания о них преследуют тебя, словно призраки ада?

С момента последнего Сдвига Зоны Николай Варнаков, бывший спецназовец военной полиции UFOR, известный среди сталкеров Искитима как Варнак, считал свою девушку погибшей.

Но тогда ей удалось выжить. Варнак расценивает это как знак судьбы. Однако их неожиданная встреча оборачивается многочисленными загадками, скрывающими чудовищную тайну. Пытаясь раскрыть ее, герой вступает в смертельную схватку с коварными и жестокими врагами – сотрудниками спецслужб, продажными полицейскими, террористами и бандитами.

А по пятам за ним следует ад. Ад по имени Зона.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	16
Глава 1	16
Боб и Кот	16
Глава 2	21
Боб, «Джонни» и другие	21
Боб и «Джонни»	26
Глава 3	28
Николай Варнаков	28
Глава 4	34
Николай Варнаков	34
Арчибальд и Волчок	36
Глава 5	40
Николай Варнаков	40
Глава 6	44
Николай Варнаков	44
Глава 7	49
Жора Лежава	49
Николай Варнаков	49
Глава 8	54
Варнаков и другие	54
Глава 9	61
Майор Коноплев и другие	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Константин Кривчиков

Хроники ада

© Константин Кривчиков, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Пролог Рождение легенды

Май 2015 г.

Новосибирск, Академгородок

Из лекции доктора технических наук Р. С. Нагаева перед студентами НГУ (стенограмма оперативной записи)

... Таким образом, аргументы сторонников «теории скачка», как я убедительно доказал, выглядят слабо обоснованными, если не сказать резче – притянутыми за уши. А все их попытки запугать нас грядущим апокалипсисом становятся уже попросту смехотворными.

Теория академика Абарцумова о постепенном затухании Зоны, сторонником которой является ваш покорный слуга, в отличие от псевдонаучных рассуждений о «скачке», базируется на фундаментальных положениях науки. Что, в частности, блестяще доказывает метод математической экстраполяции. (Шум в зале.) Я знаю, знаю, дорогие, что среди вас много гуманитариев, поэтому не буду мучить вас километровыми формулами. (Смех в зале.) Всё очень просто.

Судите сами. Событие, приведшее к образованию на территории Земли шести так называемых Зон Посещения, датируется 17 июля 1972 года. Вторичный цикл усиления активности Зон привел к расширению аномальных территорий в результате Сдвига, произошедшего 18 августа 1991 года. Расширение, замечу, с практической точки зрения, было минимальным, в среднем около ста метров от линии Периметра. О чем это свидетельствует?

О том, что активность Зон будет и дальше затухать. Да, некие процессы там еще происходят. Но что это за процессы? Академик Абарцумов остроумно окрестил их конвульсиями. (Смех в зале.) Апологеты «теории расширения» уже однажды громко сели в лужу (Смех в зале.), когда начали предрекать новое расширение Зон осенью 2009 года. Вы помните, что тогда творилось? Мир едва не сошел с ума. В некоторых регионах началась настоящая паника. Да и у нас в Новосибирской области (Покашливает.), кха-кха, было беспокойно. В моем родном Искитиме резко упали цены на недвижимость, началась распродажа жилья. Знаете, что я тогда сделал? Я купил участок с домом! (Смех в зале.) Вы смеетесь, а у меня сбылась мечта всей жизни. (Сильный смех в зале.)

Дорогие мои! Конечно же, Зона трудно предсказуема. И от нее еще можно ожидать отдельных вспышек активности. Но никаких концов света не произойдет. Ни в ближайшие годы, ни в отдаленном будущем. Не смотрите вы эти телепрограммы с их дурацкими ток-шоу, не читайте желтую прессу. Доверяйте ученым, а не шарлатанам от науки.

Изучайте науку! Верьте науке! Спасибо за внимание! (Бурные аплодисменты в зале.)

16 июня 2015 г.

Новосибирская область, окрестности Лебедевки

ОНО не видело, но слышало и ощущало. И постепенно начинало понимать.

Сначала был звук, резкий и пронзительный. Затем укол обжигающего холода. Еще через мгновение ОНО почувствовало запах – сухой и горчащий. Так пахли *трава* и *воздух*.

Визгливо кричал *младенец*. ОНО еще не знало, *что такое младенец*, но поняло – это *кричит младенец*.

– Ну вот, вот, – *сказал взволнованный женский голос*. – Всё у нас в порядке.

– Я зачерпну в речке воды, – *сказал мужчина*.

– Кто... кто это? – *прошептал* другой женский голос, слабый и прерывистый.

ОНО качнулось на тонкой ножке и потянулось вверх, вслед за серебристым сиянием невидимой Луны.

Ранняя осень 2015 г.

Новосибирская Зона Посещения

Замерев, Фролов с напряжением всматривался вперед. Не нравился ему этот валун, ох, не нравился! Чуяло сердце, не надо было соваться в горловину между «плешью» и «порченкой». Узкий проход, да еще в низинке, всегда сулит геморрой – про то каждый сталкер знает. И не сунулся бы, если бы не Карп с его жлобством. Забубнил: «Как из Зоны с пустыми руками возвращаться? Прихватим „пустышку“, тут делов-то...» Вот и послушался его, козла старого...

Сегодня Степан Фролов в первый раз взял в Зону сына и не хотел рисковать. Не стоило бы вообще вести сюда шестнадцатилетнего пацана, – но разве его, выросшего, считай, под боком у Зоны, остановишь? Так что, пусть лучше у отца навыки перенимает, чем лезет за периметр с такими же молокососами. Им чего? Лишь бы перед девчонками повыпендриваться. А то, что Зона не учит, а сразу исполняет приговор, мозгами куцыми ухватить не могут. Еще хуже, если попадет на крючок какому-нибудь отмороженному сталкеру и будет использован как «отмычка». А отморозков и всяких сомнительных искателей приключений в Искитиме и окрестностях развелось после Скачка, как блох на шелудивой собаке.

В том же, что Леха все равно сунется в Зону, Фролов не сомневался. Характером сын пошел в него, а в народе недаром по-черному шутят, что сталкерство – это наследственное заболевание, передающееся половым путем. Вот и передал на свою голову...

Фролов в сердцах сплюнул, но не вперед, а вбок. Кто его знает, вдруг у камня аномалия притаилась? Зачем ее лишний раз злить?

– Ты чего, Степан? – спросил Карп, замыкавший шествие. – Чуешь чего?

– Не пойму. – Фролов повел глазами и снова уставился на валун. – Какой-то он... инородный, что ли. И слишком гладкий. Зря мы сюда полезли.

Карп, долговязый мужик с вислым носом, промолчал. Идея пошарить около заброшенных коровников принадлежала ему. Изначально планировали просто: дойти вдоль железной дороги до берега Петушихи, там устроить привал, а потом, минуя Лебедевку с ее непредсказуемой «русской рулеткой», не спеша вернуться в Искитим. Окрестности знакомы до последнего бугорка, маршрут уже проверенный и относительно безопасный – по понятиям Зоны, разумеется, безопасный. А что еще нужно для первой ходки, чтобы дать пацану почувствовать «романтику» собственной задницей?

И наколочка одна имелась у Фролова – на «перламутр». Вещь, можно сказать, пустяковая, но с «перчиком» и ходовая у богемы и прочей творческой интеллигенции: из Москвы и Питера заказов накопилось на год вперед. Прилепишь ее к шее иловишь глюки, будто сам в Зоне находишься. Правда, потом шею сильно ломит, а у особо слабонервных, бывает, что и желудочные колики начинаются, зато впечатлений «полные штаны»: вроде как фантастический фильм в 3D посмотреть, только на порядок круче. Барыги платили за «перламутр» щедро. Степан, не хотевший с сыном за периметр соваться без напарника, предложил Карпу разделить доход пополам, тот согласился.

Но наколка сорвалась. Увел уже кто-то «перламутр», а может, и сам куда девался – Зона, она такая, гарантий не дает: это тебе не ломбард. Карп расстроился – получилось, что порожняк сгоняли, а он такого очень не любил. Тогда и вспомнил о «пустышке» возле старой животноводческой фермы у Лебедевки – давно на нее глаз положил, да руки все не доходили. И тяжелая она, стерва, даром что «пустышкой» кличут. А тут втроем, донесут с притопом и прихлопом.

На привале у Петушихи Карп сообщил о «пустышке» Фролову. Степан сначала посомневался, но потом согласился. Время еще раннее, до бывшего остановочного павильона около километра, а от него до коровника меньше ста метров. Да и маршрут опять же известный и простой: сначала вдоль «железки», потом через низинку и на холм. Если обойтись без фокусов, то за час-полтора можно управиться. Однако не обошлось.

Заморочки начались, едва свернули от павильона к ферме. Сначала прямо по курсу засветилась здоровущая «комариная плешь». Степан ее обметил гайками, и, когда проявился контур, решили обогнуть гравитационную аномалию слева. Продвинулись метров на пятнадцать и вдруг заметили левее по ходу «колючку» – пожухшую черную траву, обозначающую границу «порченной земли». Ступать туда было нельзя: неважно, оказывался человек на «порченке» на пару часов или забредал нечаянно на минуту – мучительная смерть в течение нескольких недель ему была гарантирована. И получалось, что топать до коровника предстояло между «порченной землей» и «комариком» в коридоре шириной шесть-семь метров.

Вот тут Фролов занервничал, да и Карп начал сомневаться: раньше у фермы «порченки» никто не встречал. Но коровник стоял перед глазами как на ладони, Карп уже отчетливо видел на взгорке старую березу, сразу за которой он однажды припрятал «пустышку». И «чуйка» ничего не предвещала, а бывалый сталкер ей доверял куда больше, чем жене Клаве. К тому же запахло казалось порожняком возвращаться – он ведь не погулять вышел, семью надо кормить.

– Попроберемся, – сказал Карп Фролову. – Тут пустычок всего. А если очко жмет, давай в хвост, я первым двину.

Степан, светловолосый крепыш с выцветшими бровями, покосился на сына – тот смотрел с напряженным ожиданием, – сплюнул и молча шагнул вперед. Однако метров через двадцать снова остановился, у валуна. Не понравился ему этот каменюка, ох, не понравился.

– В чем дело-то? – спросил Карп. И неуверенно добавил: – Обычный вроде камень. Ну гладкий, ну чистенький. Так, может, дождь вчера был?

– Земля сухая, – отозвался Фролов. – Мандражит меня чего-то.

– Так мандраж всегда есть. Без него нельзя, тут же вляпаешься. И «колючка» слева под боком. Вот очко у тебя и играет. Но... – Карп помолчал. – Знаешь, если и вправду чувствуешь чего...

– Батя, а это... это что? – испуганно произнес Леха. Он смотрел в сторону «железки» и показывал пальцем. Головы обоих мужчин синхронно повернулись назад. Пауза длилась пару секунд.

– «Зеленка», ять! – выдохнул Карп. – Откуда, ять, она взялась, падла?!

От полотна железной дороги на них надвигалась клинообразная волна мутно-зеленого цвета. Трава перед ней прогнулась в направлении сталкеров, как под сильным, дующим непрерывно ветром. Времени на раздумье и перебор вариантов не оставалось.

– За мной! – крикнул Фролов. – Давай на приговор!

И рванул первым.

Боковым зрением он фиксировал слева от себя границу «порченной земли»; прямо по ходу лежал огромный продолговатый валун, слегка налезая боком на «порченку»; «плешь» же, как помнилось, таилась в двух-трех метрах правее валуна. В спешке Степан решил перепрыгнуть через камень, не огибая его, – и смертельно просчитался. В момент прыжка дикая и непреодолимая сила резко подбросила тело сталкера перпендикулярно вверх. Затем скрутила, будто половую тряпку, и начала перемалывать невидимыми жерновами – лишь кровавые брызги полетели.

Едва Фролов пронзительно и жутко завопил, как Карп схватил Леху за плечо и, падая, увлек пацана за собой. Их спасло лишь то, что перед этим они находились в пяти шагах позади Степана, и рванул тот с места раньше, а они чуток замешкались – Леха от растерян-

ности, Карп из осторожности. Могли бы влететь в горловину аномалии следом за Степаном, и поминай как звали, а получилось – повезло.

Что-то влажное и липкое плюхнулось Карпу на голову. Тот машинально провел по волосам рукой, вскочил на ноги и только тут понял, что это раздавленный кусочек мяса. Рядом поднимался Леха. Отряхнув полу спортивной куртки, с удивлением посмотрел на окровавленную ладонь:

– Дядя Паша, а чего... – Он толком еще не понял, что случилось.

Карп кинул взгляд назад, счетчик в голове сработал моментально: до «зеленки» – около двадцати метров. Изумрудная всеядная тварь – влипнешь, переварит без остатка, как серная кислота, – накатывала медленно, словно не сомневаясь в том, что жертвы никуда не денутся. Карп посмотрел на валун. Находясь в шаге от аномалии, он разглядел то, чего не заметил издали: прозрачный воздух еле заметно колыхался, отбрасывая на гладкую поверхность камня розоватый отблеск.

– Бежим! – скомандовал Карп, хватая Леху за локоть. Но парень стоял как вкопанный, открыв рот.

– А б-батьа... д-дядя П-паша... – С испуга он начал заикаться.

– Пошли, ять, говорю!

Добавив еще несколько непечатных слов, Карп вскочил на валун и выкрикнул:

– Видишь, все чисто?! Бегом, а то сдохнешь на хрен! – и выразительно ткнул пальцем.

Леха увидел плотоядно колыхавшуюся «зеленку», и его глаза округлились от ужаса. Карп, прорывав что-то нечленораздельное, рванул парня за руку и поволок за собой.

Шагов пять-шесть Карп сделал по инерции, таща Леху и почти ничего не видя от сумасшедшего напряжения. Но затем замедлил скорость, а оглянувшись, и вовсе остановился. Что за хрень???

Картина вокруг резко изменилась. Валун лежал на месте, но за ним, вместо ледящей душу желеобразной массы «зеленки», расстилалась безобидная лужайка. Она тянулась и в ту сторону, где еще полминуты назад торчал покосившийся коровник. Однако теперь там, в отдалении, виднелись дома Лебедевки. По левую руку росло несколько деревьев, за ними в низинке змеилась среди кустов узкая лента Петушихи. Проморгавшись, Карп узнал это место по приметной старой лиственнице – оно находилось неподалеку от того места, где они пару часов назад устраивали привал, и примерно в километре от коровника, куда только что направлялись.

– Ну и хрень! – произнес Карп и смахнул со лба пот.

– Д-дядя П-паша. – Леха ошалело лупал глазами. – Эт-то что? Т-телеп-портация?

– А хрен его знает, Леха! Поживем – увидим.

– А б-батьа? Он...

– Погиб твой батя, парень, царство ему небесное. – Карп насупился и подобрался, даже голову вскинул. – Такое наше сталкерское дело. Зато нас спас, можно сказать. – Заметив, как скривились губы Лешки, строго добавил: – Ты только того, не ной. Сам в Зону рвался, а она сопливых не любит... На, водички пивни.

Ночевать остались в «западне», как окрестил место на берегу Петушихи Карп. Идти в обратку мимо валуна он не рискнул – уж больно стремно после «мясорубки» и выкрутасов с перемещением в пространстве: хрен его знает, где очутишься, когда выберешься из «западни»? Возьмет да и занесет нелегкая куда-нибудь в Бердск, а то, еще хлеще, в Академгородок? Да и «зеленка» там, за камнем, поджидать может – она ж, падла, голодная осталась. Однако другого пути из западни попросту не оказалось.

Когда Карп огляделся и провел разведку, то обнаружил, что берег речки, на котором они очутились, окружает полукольцом «комариная плешь». А через территорию, занятую «пле-

шью», даже муха не пролетит – гравитация вмиг сплющит и превратит в мокрое место. Значит, оставалось переться через речку вброд, но такой вариант Карпу совсем не улыбался – не дурачок же он и не самоубийца-мазохист. Любой сталкер знает, что вода в Зоне, даже естественная на вид, часто оборачивается гиблой ловушкой: если не ошпарит кипятком, так кислотой сожжет. А то, бывает, покроется вся кожа струпьями, и человек умирает в несколько дней от невыносимой чесотки. Вот и здесь, в Петушихе, вода больше смахивала на синий кисель – кто же в подобное дерьмо сунется?

И по всему получалось, что обратный путь лежал мимо валуна – лишь там «плешь» расступалась метров на пять-шесть, образуя проход. Но проход ли или очередную ловушку? Уже начинались сумерки, вот Карп и решил подождать до утра – глядишь, новый расклад нарисуетя, да и утро вечера мудренее...

Ночью Лешка проснулся от странного чувства холода – вроде и не мерз, но по телу бегали иголки – такие ледяные и острые, что аж обжигало. Он лежал около старой лиственницы на синтетическом покрывале, которое отец перед походом велел на всякий случай засунуть в рюкзак – Зона непредсказуема, бывает, идешь на полдня, а застреваешь на неделю. Лешка поерзал, пытаясь закутаться в тонкое покрывало, но тело так ломило, что сон окончательно улетучился. Лешка открыл глаза и сразу увидел синеватое мерцание.

Поднявшись, побрел по лужайке. Ночь выдалась хотя и ясной, но безлунной. Однако свечение усилилось, и Лешка понял, что оно исходит от высокого, похожего на цветок растения с круглой, как блин, головкой. Тело по-прежнему ломило, но страха не ощущалось – только завораживающее любопытство. Он приблизился к необычному цветку (тот доставал ему до пояса) почти вплотную и разглядел, что его плоская корзинка усеяна изнутри гранулами синего цвета. «Словно у подсолнуха семечки, – мелькнула мысль. – Только крупнее». Не отдавая себе отчета – происходящее походило на сон, – Леха выколупнул одно «семечко» и раздвинул ногтями тоненькую кожуру. Внутри лежало продолговатое ядрышко, излучавшее голубое сияние...

Леху растолкал Карп. Когда он с трудом разлепил глаза, Карп, через слово матерясь, выдал тираду:

– Ты чего, ять, разлегся, как на курорте? Я тебя, ять, полдня разбудить не могу! Ты глянь, ять, уже вечер скоро. – Увидев на лице парня виноватое выражение, смягчился: – Я, знаешь, даже испугался. Думаю, ять, не болезнь ли какая напала.

Леха потряс головой, прогоняя сон. И тут же, вспомнив ночное происшествие, вскочил и устоялся на лужайку.

– Ты чего? – озабоченно спросил Карп.

– Странно. – Леха медленно прошелся по траве, озираясь по сторонам. – Странно, а где цветок?

– Какой еще цветок? – отозвался Карп, про себя отметив: «Глючит пацана после вчерашнего. А вот заикаться перестал».

Леха рассказал о ночном видении.

– Ну-ну, – с неопределенной интонацией протянул Карп. – Цветок, значит? Как подсолнух, значит? – Леха кивнул. – А потом? С семечком-то ты что сделал?

– С семечком?.. Так вроде съел я его.

– Съел?! – Карп побагровел. – Ты что, идиот??? В Зоне ничего есть нельзя! Тебя чего, отец не учил?.. Хотя чего это я? – Он хмыкнул. – Приснилось тебе, Леха, померещилось. Понял? В Зоне подобное частенько бывает. Потому здесь лучше не ночевать. Даже спать нежелательно. А то люди во сне такое вытворять начинают...

– Не, дядь Паша, это не сон был, – упрямо возразил Леха. – Я точно помню. Проснулся от холода. Смотрю – вот здесь растет. И свет такой от него – синий, яркий. И вверх идет, словно луч.

– Куда вверх? К Луне, что ли?

Леха задумался.

– Нет, Луны я не видел. Хотя небо ясное было, в звездах.

– Хм... – Карп почесал затылок. – Ну, если небо ясное, то и Луна... Погодь, а у нас не новолуние часом? Если так... хотя... Так ты хочешь сказать, что съел семечко и дрыхнуть завалился?

– Не-е. – Леха помотал головой. – Вернее, я не помню, что потом сделал. Но мне такие сны снились... Ох, я даже пересказать не могу. Такие сны!

– То-то ты в забытии своем лыбился, как придурочный, – сердито сказал Карп. – Похоже, все-таки наркоту ты глотнул. Но откуда она взялась здесь?.. Ты, часом, не того? Не балуешься втихомолку? Если приволок с собой какую-нибудь гадость, то так и скажи. Я тебе не отец, бить не буду.

– Да что вы, дядь Паша! Я и не пробовал ни разу.

– Ну-ну. А что же на тебя такой морок напал?

– Там не только морок был. Потом и ясные сны пошли.

– В смысле?

– Ну-у... – Лешка наморщил лоб. – Вот, помню, будто иду я по улице, а потом вижу «бенгальский огонек». За углом здания висит и искрится.

– Это где ж ты идешь?

– По улице. Там церковь еще, слева. А напротив здание. Трехэтажное, кажется. И вывеска. «Универмаг», что ли. Или «Универсам».

– «Универмаг», – сказал Карп. – Знаю я это место возле церкви. Это в Бердске. Гнилое местечко, попадал я туда пару раз, – голос его стал серьезным. – А ты сам-то в Бердске бывал когда? Его же еще в семьдесят втором накрыло.

– Нет, не был.

– Хм... Значит, видел «огонек» за углом «Универмага»?

– Видел. Круглая такая штука, а вокруг искры летят. Батя говорил, что дорогая вещь, после Скачка появилась. Дядя Паша, а вдруг это не сон, а, как это, ясновидение?

– Ну-ну... Всяко случается, конечно. Только как проверить? В Бердск идти, это, парень...

– А я не только «огонек» видел. И не в Бердске, а совсем рядом.

– Это где же? – Карп сузил глаза.

– Помните, мы вчера через «железку» переходили у павильона?

– Ну.

– Там куст красной смородины рос. Ягоды кру-упные такие, яркие. Батя еще сказал, что не вздумай, мол, есть. Мол, в Зоне, чем привлекательнее, тем опасней.

– Вот-вот. Батя тебя предупреждал, а ты всякую гадость в рот тащишь. Ну и?

– Так за кустом там «белая вертячка» лежит. Блестящая такая.

– Это ты, значит, в своем сне видел?

– Видел. И не только ее. «Перламутр» тоже видел, тот, который отец искал.

– Да ну?!

– Ага. Только он не там искал. Надо было до следующего домика дойти, и «перламутр» сразу за калиткой, у куста черемухи.

Карп задумался.

– Ну до павильона тут рядом. А «перламутр» в садоводстве можно на обратной дороге глянуть. Правда, отсюда еще выбраться надо и непонятно куда попадем...

– Дядь Паша, я спросить хотел. Вот вы вчера прямиком через валун побежали. Ну там, где батю... – Леха сглотнул слюну. – А почему вы решили, что проход безопасен?

– Там решать некогда было, – назидательно произнес Карп. – Это, брат, моя чуйка сработала, интуиция, если по-ученому. А без нее, брат, в Зоне кирдык. Так вот, Леха, когда я просек, что Степан в «мясорубку» влетел, сразу подумал, что теперь проход открылся. Да и выбора не оставалось. Все эти аномалии хреновы, «зеленка», «плеша» и прочие, характера не меняют – кроме «мясорубки». «Зеленка» тебя всегда заглотит, и «плеша», она и есть «плеша» – раздавит, как мышку. А вот «мясорубка» себя по-разному ведет.

– А как она меняется?

– Понимаешь, Леха, «мясорубка», как правило, какой-то ценный хабар прикрывает, типа Золотого шара. Жертва ей нужна, а уж зачем, хрен ее знает. Сожрет человека, а потом какое-то время отдыхает, как удав. Только надо быстрее мимо нее проходить, пока она «сыта». Вот я и смикитил вчера, что прорвемся. Правда, попали в результате непонятно куда, и хабара здесь нет.

– А цветок разве не хабар?

– Какой цветок? А-а... Твой цветок пока больше на глюк смахивает. Вот если хабар найдем в тех местах, как тебе привиделось...

Он достал из мятой пачки сигарету, пощелкал зажигалкой.

– Черт. У тебя огонь есть?

Леха засунул руку в боковой карман куртки и вдруг замер. Потом осторожно вытянул назад ладонь, зажатую в щепоть, и приблизил ее к лицу.

– Вот это да!

– Что «да»? – настороженно спросил Карп.

– Это самое, «семечко». Получается, я ночью...

– Давай сюда, – потребовал Карп. Леха послушно положил «семечко» в протянутую ладонь Карпа. – Еще есть?

– Есть вроде.

Леха пошарился в кармане и вытащил две «семечки».

– Думаете, они показывают, где артефакты лежат? Съешь зернышко – и все видишь, будто на рентгене?

– Может, что и показывает. – Глаза Карпа блеснули. – А вот, что именно, еще раскумекать надо. В Зоне ни о чем наперед знать нельзя. Давай мне, спрячу на всякий случай в футляр. Потом разберемся, сейчас не до того.

Карп обошел по кругу лужайку, обследовал кусты на берегу и убедился, что за ночь ничего не изменилось. Участок берега, где они очутились, по-прежнему окружала полоса «плеша». Вода же в речке больше напоминала студень или густой кисель и по цвету смахивала на чернила. Вот и получалось, что выход был лишь один – через валун.

Карп приблизился к валуну и долго смотрел на него, прищурив глаза. Воздух над камнем и вокруг него едва-едва, чуть заметно, колыхался. Как и вчера. И был таким же прозрачным. Лишь розового отблеска на поверхности валуна Карп не заметил; скорее, что-то белесое отсвечивало, похожее на молоко. А возможно, что и не отсвечивало – камень-то сам белый, попробуй разбери.

– Думаете, он нас не пропустит? – свистящим шепотом спросил Леха. Он стоял за спиной Карпа и нервно облизывал губы.

– Не дрейфь. Пропустит, куда он денется, – негромко отозвался Карп. – Когда в обратную сторону идешь, «мясорубка» никогда не трогает. А мы ведь обратно идем, верно? – А про себя подумал: «В Зоне никогда не говори „никогда“. В ней все и всегда как в первый раз».

Леха промолчал.

– Чуешь чего подозрительного? – спросил Карп.

– Нет.

– И я не чую. Ну давай, Сусанин, веди нас вперед. Он хлопнул Леху по плечу.

– А почему я должен вести? – Леха поежился.

– Потому что ты у нас теперь «просветленный». Зона никому просто так не открывается. Я вот ничего не видел, даже не почувствовал, спал как сурок. А ты цветок разглядел. Да еще ядрышко съел, не побоялся. И теперь Зону насквозь просекаешь, все ее заначки. Понял? – Лешка неуверенно кивнул. – Так что не дрейфь, я рядом. Считаю, что это посвящение в сталкеры. Все новички через подобное проходят. Ну а если не проходят, потому что в штаны наложили, то... сам понимаешь. Таким дристунам здесь делать нечего.

Он рассмеялся и легонько подтолкнул Леху вперед.

Октябрь 2015 г. Искитим

Клава Карпенко нашла брата в кафе «Радиант». Глеб Афанасьев¹, самый известный в Искитиме наводчик на артефакты по кличке Фагот, проводил в «Радианте» почти каждый день: попивал кофе с коньяком, трепался со сталкерами, барыгами и прочим полезным людям. И собирал информацию. На это и жил. И жил неплохо, на кофе с коньяком уж точно хватало.

Сейчас, около полудня, народу в кафе тусовалось немного, и Фагот скучал, лениво перелистывая желтый еженедельник с полуголыми девицами. Клава подошла и с шумом опустилась на стул. Рослую и упитанную, под сто килограммов, женщину трудно было не заметить, однако Фагот даже не шелохнулся. Тогда Клава хрипло кашлянула.

– О, сеструха! – Оторвав от газеты глаза, Фагот улыбнулся кончиками тонких губ. – Давненько тебя не видел.

– Здравствуй, Глеб. Некогда мне по кафешкам шляться. Это мой благоверный тут все полы до дыр протер.

– К слову, о благоверном. Карпа я тоже давненько не видал. Слышал, что ему в последнее время масть поперла?

Фагот бросил на сестру цепкий взгляд.

– Ага, поперла. Сначала поперла, а потом... – Клава неожиданно всхлипнула. – Я ведь из-за Павла и пришла. Беда у нас, Глеб. Даже и не знаю, с чего начать.

– А ты по порядку.

По словам Клавы, все началось после той ходки в Зону, когда погибли Степан и Лешка Фроловы. Павел вернулся мрачным, целую неделю пил, подробностей о гибели Фроловых не рассказывал. Протрезвев, снес хабар барыге Фоме² и получил очень хорошие деньги. Затем в одиночку отправился в Бердск – и снова вернулся с богатым хабаром. Сдав товар Фоме, три дня сидел дома. Но не пил, как обычно после ходки, а о чем-то все время думал. Потом позвал жену.

Я, говорит, золотую жилу надыбал, покруче Золотого шара. Теперь будем как колобки в масле кататься. И показывает такую штучку, вроде семечка, но крупнее и синим цветом отливает. Мол, нашел он в Зоне цветок, который такие плоды дает. Они что-то вроде лекарства, от которого в мозгу огромное просветление начинается. Но надо для надежности опыт провести, как эти семечки действуют. Ничего страшного с ним произойти не должно, но если случатся какие-то странности, то пусть Клава не пугается.

Пыталась его Клава от опыта отговорить, но куда там! Расколупал он свое семечко, вынул оттуда голубоватое зернышко и проглотил. Вот.

Клава всхлипнула и продолжила:

---

¹ Глеб Афанасьев по кличке Фагот – персонаж романа Д. Бурмистрова «Черный выход».

² Фома – скупщик хабара, персонаж романа Д. Бурмистрова «Принуждение к контакту».

– Съел он эту семечку и больше суток спал. Тихо спал, разве что иногда бормотал неразборчиво да еще улыбался часто. Потом вроде в себя пришел, да только... В общем, будто головой подвинулся.

Клава выразительно постучала себя по лбу массивным кулаком.

– Это как? – спросил Фагот.

– Да так. Одни разговоры о Боге да о покаянии. Это у Павла-то? Да он раньше о Боге вспоминал, только когда матерился. А теперь вдруг святошей заделался ни с того ни с сего. Я теперь, говорит, понял, как надо правильно жить. Приволок откуда-то Библию, валяется на диване с утра до вечера и читает. Или молится. И так уже вторую неделю дурью мается. Помоги, Глеб.

Клава глубоко вздохнула, всколыхнув грудь, и уставилась на брата. Фагот сложил губы трубочкой, пригладил усы, посмотрел в потолок. Потом с ленцой произнес:

– Чем же я помогу?

– Ты же умный. – Лицо Клавы сморщилось. – Пропадает ведь мужик. Порча напала, не иначе.

– Ты только не ной. Ну сама подумай, чего я знаю? Вот ты его расспрашивала об этом цветке? Где растет, как действует?

– Спрашивала. Он смотрит на меня, как на дурочку, и не понимает. Вроде как память отшибло.

– Ну, тогда дело глухое. Ты хоть в курсе, что за хабар он приносил?

– Нет, – нетвердо произнесла Клава, пряча глаза.

– Ну, если ты не в теме, тогда и мне сказать нечего. – Фагот демонстративно взялся за газету.

– Ой, вспомнила, – сказала Клава. – «Вертячку» он тогда принес, когда Фроловы погибли.

– И всё?

Клава кивнула с невинным лицом.

– Врешь, сестренка! – строго заметил Фагот. – В жизни не поверю, что Карп мог от тебя что-то утаить. В общем, или колись, или сама со своим благоверным разбирайся. Время пошло. – Фагот показал золотой циферблат часов. – У меня время – деньги.

– «Перламутр» он еще тогда принес, – с неохотой пробурчала Клава. – А во второй раз, из Бердска, принес «бенгальский огонек». Еще два «браслета», которыми лечат. Вот и все. Как на духу.

– Предположим, что верю. Но информации все равно мало. Нет, Клава, разбирайся без меня. Может, Карп еще за ум возьмется. Или с врачом проконсультируйся.

– Ага! Это я что же, должна ему про цветок рассказать, про хабар?

– Тоже верно. Не стоит об этом болтать. Ну тогда жди и надейся на лучшее.

– А детей кто будет кормить? И этого оглоуда с Библией? У меня ж четверо, и лишь одна Маринка работает.

Лицо Фагота поскучнело.

– Я тебя рожать не заставлял... Так у тебя все?

Клава поморгала со страдающим выражением, потом с хрипом втянула воздух и полезла в кожаную сумку. Пошебуршив внутри, вынула спичечный коробок и с важным видом положила его на стол перед Фаготом:

– Вот, смотри. Она самая, «семечка».

Фагот с осторожностью раскрыл коробок. Затем начал внимательно, ловко достав откуда-то лупу, разглядывать содержимое. Губы сжались в узкую полоску.

– Говоришь, он это проглотил?.. А еще говорил, что нашел золотую жилу?.. Хм...

– Глеб, а ты мне за это заплатишь?

– За что?

– Как за что? За «семечку». И за ценную информацию.

Фагот посмотрел на Клаву долгим и задумчивым взглядом.

– Брательник сеструху не обидит. Только дай мне сначала разобраться в том, что это за хрень. Если и вправду выгорит...

Октябрь 2015 г. Искитим

Через три недели Фагот встретился с Родей Волчком³, ставленником новосибирского авторитета Резо и одним из смотрящих по Искитиму. Коротко пересказал историю Карпа.

– Ты с ним самим базарил? – спросил Волчок.

– Базарил. Блеет как баран. Права Клава, с башкой у него что-то. Или под дурачка зачем-то косит.

– Ну а что с «семечкой»?

– Дал я ее одному фрукту для проверки: раньше неплохим сталкером был, но потом подсел на наркоту. Косой Вадик, ты его знаешь. Сказал ему, что это типа «экзи», он и слопал. Спал почти сутки, но проснулся вполне вменяемым. Рассказывал, что сны улетные видел, полный кайф. Правда, про Зону ничего не видел.

– Ну и чего ты мне тогда мозги паришь? – буркнул Родя. – Если этот цветок какая-то наркота, тебе к Хазару надо топать. Сам знаешь, это по его линии. А я за артефакты и хабар отвечаю.

– погоди, Родион, дай закончить. Про Зону он не видел, зато другое видел. Понимаешь, этот Вадик – трейдер конченный, на фондовой бирже играет. Все, что в Зоне добывал, потом на торгах спускал. Так вот, он, пока под этим кайфом находился, видел рыночные котировки. Будущие котировки, врубаешься? Как проснулся, тут же сел торговать и за пару недель сделал полторы тысячи процентов прибыли. Вникаешь? Полторы тысячи!

– Вникаю. И чего, до сих пор торгует?

– Нет, перестал. Три дня назад кончилась пруха. До этого у него котировки будто перед глазами стояли. А если чего забывал, то ночью, говорит, посплю – и опять вспомню. Однако три дня назад закрылась лавочка. Вместо котировок – голый Вася.

– Какой Вася?

– Это я так, в переносном смысле. Обломалось всё, короче.

На широком и грубом лице Волчка отразилось что-то вроде умственной работы. Он набычился и даже слегка побагровел.

– И чего? Это как понимать?

– Думаю, что «семечки» и на самом деле наркотик. Только не обычный, а с особой начинкой. После него на людей что-то вроде просветления находит. Но на каждого свое, в зависимости от того, подо что человек заточен. Тут, конечно, еще угадать надо. Но если на эти «семечки» толковых сталкеров посадить – в шоколаде будем.

– А почему тогда у Карпа крыша съехала?

– Не знаю. Может, передозировка произошла?

Волчок некоторое время молчал, посапывая приплюснутым носом.

– Врубаюсь, кажись. А цветок где? Ты бы потолковал с Карпом как следует.

– Да говорю же, пробовал. Но он одну чушь несет.

– Не так пробовал. Взял бы паяльник, и все дела.

– Ну и шуточки у тебя, Родион! – Фагота скривило, словно от зубной боли. – Это не мой метод. К тому же он мне родственник. Все-таки.

---

³ Родион (Родя) Волчков по кличке Волчок – лидер ОПГ, занимающейся оборотом артефактов, персонаж романа Д. Бурмистрова «Принуждение к контакту».

- Понятно. – Волчок хмыкнул. – И сколько ты хочешь за наводку?
  - По чесноку хочу. Если дело выгорит, думаю, договоримся.
  - Заметано. Ты мне напомни, где твой родственник живет. Мои парни ему быстро мозги вправят.
  - Надеюсь, общение пройдет культурно? – кося в сторону, промурлыкал Фагот.
  - Как в оперном театре. Приведем в Зону, там все вспомнит как миленький. Ну а если чего забудет, так можно и над «ведьминым студнем» за яйца подвесить.
- Фагот поморщился, но промолчал. Бизнес есть бизнес. С кем только не приходится иметь дело!

Часть первая Игра втемную

Глава 1 Закон джунглей

Боб и Кот

Июнь 2016 г. Искитим

Бубновый валет лег перед ним на стол, и Боб почувствовал под ложечкой приятный сосущий холодок. Валет пришел при последней открытой сдаче, ривере, и это означало, что теперь у него на руках три валета и две девятки. То есть ривере или полный дом, четвертая по значимости комбинация в покере. Теперь он мог сорвать банк, но не все зависело от него.

После последней раздачи против Боба остался лишь один игрок с забавным прозвищем Кот⁴. Коту до этого дико перла карта, и сейчас перед ним на столе валялась куча мятых купюр – его стек, тысяч двести, не меньше. Игра велась без лимита, и Кот, находясь на второй руке, имел право пойти ва-банк, сыграв на размер своего стека, – тогда Борису с его жалкими двадцатью тысячами стека на столе пришлось бы сбросить карты. И так, скорее всего, и выйдет, если он сейчас сделает фиксированную ставку в три тысячи. Другой вариант – опередить Кота и самому объявить олл ин, сыграв на весь свой стек. В этом случае Кот не сможет перебить, и они разыграют банк вдвоем. Правда, при неудаче Боб останется с несколькими рублями в кармане. Но разве он не за этим ехал в Искитим, чтобы рискнуть и срубить бабла по-крупному? Пора ловить удачу за хвост.

Хотя основной расчет был, конечно, не на карты. Играть в покер Боб, по собственному мнению, умел хорошо, но в игорный притон шел в общем-то не за этим. Однако сел за стол и завелся потихоньку – как говаривал один известный киноперсонаж: «Азартен ты, Парамоша»⁵.

Боб вытащил из пачки сигарету, засунул в рот, но закуривать не стал. И без того в глазах мушки мелькают – четвертый час утра, к тому же он слишком много выпил. Надо было раньше закончить и свалить из катрана⁶, но хотелось отыграться. А ведь поначалу карта шла. Однако затем к столу подсел Кот, и все перевернулось. Но ведь не все коту масленица, а?..

Боб твердо помнил, что еще в первой, закрытой раздаче получил червового валета и бубновую девятку. Но сейчас, на нервах, не удержался и перепроверил: аккуратно придвинул свои закрытые карты к краю стола; затем чуть приподнял уголки – ага, вот они, роденькие, валет и девятка, всё как в аптеке. Значит, у нас полный дом. А что у Кота? Масти у него разрозненные, и флеш-стрита точно не будет, не говоря уже о рояле. Неужели каре⁷?

---

⁴ *Сталкер Кот* – главный герой романов В. Выставного «Пророк Зоны», «Зона отстрела», «Зона приема».

⁵ «*Азартен ты, Парамоша*» – искаженная фраза генерала Чарноты из кинофильма «Бег» по одноименному роману М. Булгакова. Точная полная цитата: «Ты аза-артен, Парамоша... Вот что тебя губит».

⁶ *Катран* – притон, место, где организована нелегальная игра в карты.

⁷ *Каре* – третья по значимости, после рояля и флеш-стрита, комбинация в покере из четырех одинаковых карт, например из четырех королей.

Боб судорожно почесал скулу, покрытую светлой трехдневной щетиной «под сталкера». Веки были опущены, демонстрируя едва ли не равнодушие, но мысли прыгали живым карасем на сковородке.

«Шевели мозгой! – подбодрил себя Боб. – Кот видит, что в открытых картах у меня два валета. У него самого в открытых картах два короля. Короли сильнее валетов. Следовательно, он думает, раз я остаюсь в игре, значит, у меня не одна, а две пары: валеты и еще какая-то пара, и с помощью этих двух пар я рассчитываю побить одиночную пару его королей. Либо у меня сет⁸ из трех валетов, которые опять же кроют двух его королей. Следовательно? Следовательно, у него есть еще один король в закрытой сдаче, и старшим сетом из королей он собирается перекрыть мои пары или тройку валетов. То, что у меня к тройке валетов есть еще и пара девяток, образующих ривере, этому везунчику вряд ли придет в голову».

– Ваше слово, – напомнил дилер, поглаживая рукой колоду карт. – Прошу прощения, но у нас тут время – деньги.

Сидевшие за столом хохотнули. Лишь Кот не отреагировал – смотрел перед собой с выражением человека, которому всё глубоко безразлично. Да, нервы у него из каната.

Боб тронул свои карты мизинцем и замер, стараясь дышать ровно. Вот ситуация! Либо отыграюсь, либо спущу все двадцать тысяч и придется валить из города без гроша в кармане... А спина-то уже мокрая, черт! Ну и духота здесь... Так какие же сюрпризы припас Кот в закрытой сдаче? Один король там может находиться, нельзя Кота недооценивать. Не зря он торговался до последнего круга, не зря. Но не каре же у него, в конце концов! А, может, и вовсе блефует. Карта поперла, вот и понесло мужика на подвиги.

– Олл ин! – решительно бросил Боб. – Играю на всё.

Он пододвинул к центру стола двадцать тысяч – весь свой «стек» – и закурил. Кот отреагировал после короткой паузы с тем же отрешенным видом:

– Отвечаю.

– Ваша карта, – сказал дилер, обращаясь к Бобу. – Открываемся.

Продолжая держать сигарету в правой руке, Боб другой рукой по очереди открыл валета и девятку. Пожав плечами – мол, я тут ни при чем, что пришло, то пришло, – покопался на закрытые карты Кота. Он пытался держаться спокойно и раскованно (чего мандражить? Карта ведь отличная!), но изнутри, от печенки, по телу начала распространяться предательская дрожь.

– Фул-хаус с валетами, – кинув взгляд на карты Боба, бесстрастно произнес дилер. И уже фамильярно, как своему, добавил: – А ты чего покажешь, Кот?

Кот, сморщившись, открыл короля крестей. «В точку я его просчитал, – успел подумать Боб. – Хотел на королевском сете выехать, как же, ищи дураков...» Кот, продолжая морщиться, перевернул вторую карту из закрытой сдачи – короля червей. Вместе с открытыми картами у него оказался полный комплект королей!

– Йёкарный бабай! – протяжно выговорил, почти пропел наголо бритый коротышка с раздавленным боксерским носом.

Дилер прокашлялся.

– Каре на королях. Однако! Игра сыграна.

Боб оцепенел. Четыре короля! И два пришли сразу в первой сдаче. Не может такого быть! Нет... Как же?... Семьдесят пять тысяч в трубу за одну ночь. Как же... каре... Такого не бывает!

– Делаем ставки, господа! – объявил дилер.

– Это... выпить можно? – выдавил Боб, не узнавая собственного голоса.

---

⁸ *Сет* – комбинация в покере из трех одинаковых карт.

– Можно, – сказал дилер. – Ставить будете?

– Да. То есть... Денег нет. Здесь занять можно?

Сидевшие за столом переглянулись, но никто не произнес ни слова.

– Вот! – Боб вытянул руку и снял часы. – «Ogis», Швейцария. Почти новые, года не ношу.

– Швейцария, говоришь? – хмыкнул «коротышка». – Это та, которая под Шанхаем?

– Натуральная фирма, клянусь! Гелиевый корпус, водозащита...

– Сколько просишь?

– В магазине такие не меньше семидесяти. Ну... пятьдесят, что ли. Хотя...

– Двадцать максимум, – оборвал «коротышка». – И это, дай глянуть сперва.

Он протянул раскрытую ладонь. Боб в растерянности смотрел на нее.

– Вы бы, господа, в другом месте торговались, – сказал дилер. – Мне сдавать надо.

– Погодь, – неожиданно вмешался Кот, до этого молча наблюдавший за мизансценой. –

Тебя ведь, кажется, Кантом кличут?

– Да, – сказал Боб.

– Выйдем покурим.

– Эй! – возмутился «коротышка». – А часы?

– Всеу свое время, Нос, – сказал Кот. – Будут тебе и часы, и кукушка.

Он обошел стол вокруг и цепко ухватил Боба за плечо.

– Пошли, парень. Пора тебе проветрить голову.

Боб не сопротивлялся. Они пересекли широкий прокуренный зал, поднялись по бетонным ступенькам и, миновав охранника у входа, очутились на пяточке, присыпанном щебенкой. Ничто не выдавало здесь наличия развлекательного заведения: ни удобного асфальтированного подъезда, ни пешеходных дорожек, выложенных плиткой. Даже крыльца не было – лишь неприметная дверь, обшитая деревянными рейками, – хозяин подпольного игрового клуба Парфюмер⁹ устроил свой притон в неприметном подвале на окраине города. Дешево и сердито: каждый посетитель оплачивал при входе что-то вроде гостевого билета плюс затраты на выпивку; но основной доход Парфюмер имел от сталкеров – проигравшись, те в азарте брали у хозяина катрана займы. И попадали в долговую яму. А потом расплачивались хабаром по цене Парфюмера.

Небо висело над Искитимом ясное и чистое. Начинало светать. Полный диск луны колесом катился к горизонту.

Кот вытащил из кармана кожаной куртки пачку сигарет:

– Бери.

– Я не хочу, – вяло отозвался Боб. – Накурился до одури.

– Тоже верно, продышись. А я траванусь чуток на свежем воздухе... Слышал, ты из Питера?

– Да, – сказал Боб.

– Красивый город, все никак не доберусь... Странное у тебя погоняло – Кант. Это что, типа как все время краями ходишь?

– Почему краями? Я, это, философский заканчивал.

– Философский? – Кот присвистнул.

– Ага. Вот ребята и прозвали. Иммануил Кант, слышал о таком? Хотя, вообще-то для друзей я Боб. Борис, короче.

– Понятно. И чего же тебя, философ, в Искитим занесло? Романтики захотелось?

– Нет, не романтики. Денег.

---

⁹ Парфюмер – полукриминальный бизнесмен, владелец кафе «Радиант» и подпольного игрового притона, скупщик хабара, впервые выведен в романе В. Выставного «Пророк Зонь».

– Вот как? А у тебя их мало? Часы вот фирменные таскаешь.

– Это родители подарили после окончания универа. Отец у меня из профессуры, это он меня на философский засунул. А я...

– Понятно, дальше не объясняй. – Кот сплюнул. – А парень мечтал о суровой мужской жизни... Теперь поругался с родителями и решил идти собственным путем?

– Ну-у... Можно и так сказать. Жениться тут собрался, а предки... В общем, в Зону хочу попасть.

– Зачем?

– Как зачем? Тут, говорят, после Скачка артефакты мешками прут.

– Кто говорит?

– Ну, люди... В Интернете столько понаписано.

– Ха-ха-ха, – по слогам произнес Кот. – Вот, значит, в чем дело. Клондайк у нас тут, значит. Дикий Запад, то есть. Сплошной вестерн, мать твою.

– А чего смешного? Я сам читал. И от людей слышал. Разве не так? – В голосе Боба прозвучали истерические нотки.

Кот бросил окурочек на землю и тщательно примял его каблук. Затем, наклонив голову, с насмешкой посмотрел на Боба. Сплюнул.

– А ты, собственно, чего от меня хотел? – спросил Боб, не дождавшись ответа. Под презрительным взглядом Кота он чувствовал себя побитым щенком. – Часы купишь?

– Куплю. Пожалуй.

– За сколько?

Кот помолчал, зажмурив один глаз.

– За сорок куплю, раз уж я тебя разделал под орех. Только с двумя условиями. Первое – в катран ты здесь больше не ходишь и карт в руки не берешь.

– Но...

– Никаких «но»! Не нравится, иди и отдавай часы Носу за пятнашку – больше от него хрен дождешься. До утра успеешь и это спустить, если поторопишься. А дальше что, подумал?

– Почему обязательно спустить? Я отыграюсь.

– Не за то отец сына бил, что играл... Никогда ты не отыграешься. Здесь тебе, парень, не Невский проспект. И даже не прерии. Здесь джунгли, понял? Так что, пойдешь к Носу?

– А почему его так зовут? Он, кстати, что, боксер?

– Нет. У него старший брат в молодости боксом занимался, Родя Волчок. А Нос... Кликуха у него такая, потому что по носу били часто – за нечестную игру. Так что по поводу часов?

– Ладно, – сказал Боб. – Про карты я понял. А второе условие?

– Второе? Взял бы ты, философ, деньги за часы, купил билет и валил отсюда. А то останутся от тебя рожки да ножки. Но ты ведь, дурила, не свалишь?

– Нет, – сказал Боб. – Я не за этим ехал. Слушай, возьми меня в Зону.

– А ты с чего решил, что я туда хожу?

– С того. Я о тебе в «Радянте» слышал. Ты, говорят, еще в начале девяностых хабар таскал.

– Чего? – искренне удивился Кот. – Я тогда еще под стол пешком ходил. Вот, мифотворцы, блин!

– Ну ты же сталкер, правда? Возьми, а? Я не подведу.

– Нет, – отрезал Кот. – Поищи кого другого. Только...

– Чего?

«Кому ты нужен, кроме как в „отмычки“, лох», – подумал Кот, а вслух произнес:

– Ладно, все равно без толку объяснять. Давай свои часы и шуруй в общагу отсыпаться. Ты ведь в общаге кантуешься, Кант? На Пролетарской, верно?

– Верно. А откуда...

– От верблюда. Там все такие, как ты, кантуются. – Кот отсчитал деньги. – На, тридцать пять.

– Ты же сказал – сорок.

– Ну ты же отказался второе условие выполнять, верно? Так что бери тридцать пять, пока даю. И вали отсюда...

Когда Кот вернулся в подвал, то встретил в зале Носа.

– О, Котяра, – сказал тот. – А где питерский фраерок?

– Баиньки отправился. Поздно уже для него.

– Вот как. А часики?

– Я купил.

– Нехорошо так, Кот, – с угрозой произнес Нос. – Я их первым присмотрел.

– Нехорошо в рукаве тузов прятать. Не парься. Я за тридцатник взял. Ты бы все равно столько не дал.

– Не дал бы, верно. А ты, Кот, дурак. Зачем ты его от стола увел? Лохов надо сразу раздевать, пока тепленькие. И голыми в Африку пускать.

– Его и без нас пустят. Не переживай.

– Что верно, то верно, – согласился Нос. – Пустят. Но такова уж лоховская доля.

Глава 2 Ошибка Канта

Боб, «Джонни» и другие

Июнь 2016 г. Искитим

Боб в одиночестве сидел за столиком в «Радянте» и потягивал из кружки «Жигулевское». Самое дешевое пиво и самая дешевая закуска из соленых сухариков – это все, что теперь Боб мог себе позволить. Увы, действительность оказалась совсем не такой, как представлялась в болтовне с девчонками на набережных Невы и Мойки. Остановившись в искитимской общаге по адресу, найденному в Интернете, Боб несколько дней пытался навязаться в спутники к сталкерам, однако никто не проявил к нему серьезного интереса. От дармовой выпивки некоторые, особо доброжелательные, граждане не отказывались, но дальше пустого трепача дело не шло. Разве что местные проститутки поначалу встали в стойку. Но и те отвяли, когда поняли, что на таком клиенте толком не навариться.

Тогда, строя из себя бывалого и крутого мэна в надежде завязать нужные знакомства, Боб сел играть в покер в притоне Парфюмера. И проигрался подчистую. Хорошо, что Кот за часы по-божески дал, но вырученных денег хватило ненадолго. А желанная мечта попасть в Зону и срубить бабла на ценных артефактах так и оставалась мечтой. И уже практически растаяла вместе с последними деньгами.

Теперь Боб жалел, что не послушался Кота и не уехал сразу в Петербург. Наврал бы там чего-нибудь – впечатлений-то масса, пусть и не совсем тех, на которые рассчитывал. И с родителями бы помирился. Но уж больно не хотелось возвращаться как побитая собака, без денег и даже не поняв Зоны. И теплилась еще где-то на дне души надежда. А вдруг?

– Свободно? – Не дожидаясь ответа, незнакомый парень ловко отодвинул стул ногой и присел напротив Боба. На стол он поставил две кружки пива и две пластиковые тарелки: с копченой рыбой и хлебом. – Угощайся, Кант. Ты ведь Кант, верно?

– Да. А-а... – Жрать хотелось сильно. Боб машинально взял кусок хлеба, но, спохватившись, задержал ладонь в воздухе. – Собственно... Спасибо, конечно, но по какому поводу...

– Это, увя, не банкет. Но повод имеется. – У парня было узкое смуглое лицо и темно-рыжие, коротко остриженные волосы, прикрытые кепкой. Аккуратные рыжие усики и бородка клинышком вкупе с округлыми темными очками, завершая портрет, делали парня похожим на какого-то голливудского актера.

– Какой?

– Считаю это приправой к деловому разговору. А в таких случаях принято оплачивать стол. Так что ты не стесняйся. Пей и жуй.

– А я и не стесняюсь. Просто я не голоден, – сказал Боб, закидывая в рот самый крупный кусок рыбы. – Так это, дело-то какое?

– Важное дело. Я слышал, ты в сталкеры решил податься?

– Если выгорит. Вообще-то я для начала просто в Зону хотел сходить. Ну посмотреть там, попробовать.

– Сфоткаться на память, что ли? Нет, Кант, в Зону просто так не ходят. Разве что богатые бездельники. Я-то думал...

– Нет, нет, ты неправильно понял, – заторопившись, Боб едва не подавился куском хлеба и закашлялся. – Кха... Я не так выразился. За артефактами, конечно, хочу сходить. За хабаром, в смысле.

– Тогда другой коленкор. А то я уже было решил, что ты у нас романтик-идеалист.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею. Ты, кажется, философский заканчивал, Кант?

– Это ты к чему? – В последних словах Бобу послышалась насмешка. Он уже хотел разозлиться, но неподвижное лицо и темные очки незнакомца, скрывавшие глаза, ничего не выражали. И Боб не стал лезть в бутылку. Человек угощает все-таки. – Если в смысле мировоззрения, то я диалектик. Бытие, так сказать, определяет сознание... А ты откуда о философском знаешь?

– Об этом половина Искитима знает. Местные путаны тебя так уже и прозвали – Философ.

Боб почувствовал, как к щекам приливает кровь. Он действительно пару раз снимал местных девочек – пока деньги были; вернее, три раза. По пьяни, понятно, снимал, чтобы показать крутизну. Он привык находиться в центре внимания, но в Искитиме его уровень Ай Кью почему-то не котировался. Зато стоило лишь показать деньги... Вот балбес, нашел кому душу изливать – шалавам. Господи, чего я еще успел о себе натрепать? Надеюсь, о том, что до десяти лет любил спать с мамой в одной постели, все-таки не сболтнул?

– Ну это все лирика, – продолжил незнакомец. – Заработать хочешь? Бабла срубить по-крупному, если короче?

– Конечно, хочу!

– Ты только не кричи. – Парень пригнулся к столу и почти прошептал: – Предупреждаю – разговор сугубо между нами. Проболтаешься – на всю жизнь пожалеешь. Если вообще в живых останешься. Врубился?

Он медленно поправил очки, и Боб вспомнил имя актера. Ну да, конечно, Джонни Депп. В этом самом, в «Однажды в Мексике». Хотя нет, скорее, сумасшедший писатель из «Тайного окна».

– Врубился, – сказал Боб. – Ты не думай, я кремень. Так в чем дело-то?

– Мне нужен напарник: молодой, крепкий и надежный. – У «Деппа» был высокий голос, но хриплый, словно прокуренный, тембр. – Для сложного похода за Периметр. Очень сложного. Справишься?

Боб сглотнул слюну и кивнул. Затем с натугой закашлялся, пытаясь скрыть нервозность. Фортуна таки улыбнулась ему! Нет, не зря он полмесяца торчал в этом далеком и чужом Искитиме, общаясь со странными и подозрительными личностями и даже откровенными бандитами. И деньги в катране просадил не зря. Он еще вернет все утраченное сторичей. Только... неожиданно как-то. И даже подозрительно.

– Ты извини... Но как ты меня нашел?

– Земля слухами полнится, – туманно ответил незнакомец.

– Я понимаю. Но тем не менее почему именно я? Я ведь... н у, это...

– Хочешь сказать, типа совсем «зеленый»?

– Ну да. Вроде того. И не знаешь ты меня совсем. Я тут полмесяца в «Радианте» каждый день торчу, с кем только не заговаривал! Но у всех морды кирпичом, будто никто не при делах. А то и матом посылают.

– И правильно делают. – «Депп» отхлебнул пива. Так, чуток – не столько отхлебнул, сколько усы намочил. – Кто же в открытую в Зону просится? Знаешь кто?

Он смотрел на Боба, и тот тупо отозвался:

– Кто?

– Стукачи и провокаторы. Ты разве не в курсах, что лишь за попадание на полосу отчуждения полагается крупный штраф, а то и исправработы? Ступишь одной ногой на территорию Зоны – это уже уголовное преступление. Ну а если с хабаром повяжут – сразу реальный срок.

– Я слышал, – сказал Боб и от волнения залпом маханул половину кружки, принесенной незнакомцем. Хорошее было пиво, сразу видно, не «Жигули». И разговор завязывался такой, что...

– Слышал он, – передразнил Боба собеседник. – А если слышал, то тогда чему удивляешься? Тут, Кант, без надежных рекомендаций никто с тобой связываться не будет.

– А как же ты со мной?

– Ну, во-первых, я к тебе сначала присмотрелся. Присмотрелся, с народом перетер о том о сем. Понял, что ты вроде не стукачок. А то, что ты совсем без опыта и, по сути, чужой здесь, так это к лучшему.

– Почему?

– Потому что дело наше на целый «лимон» тянет. Самое меньшее. Мы его провернем и тут же свалим. Ты – в свой Питер, а я... Короче, это неважно. Срубим бабла и исчезнем. Иначе будет плохо.

– Так все серьезно?

– Очень. Понимаешь, Кант, тут все серьезные дела контролируют бандиты. Без их ведома из Зоны ничего путного не вынесешь. Значит, надо делиться. А оно нам надо? Половину отберут. В лучшем случае. А то и грохнут – если решат, что ты лишний. Знаешь, почему бандиты отстреливают народ?

– Нет.

– Потому что им не выгодно, чтобы выносили много артефактов. Сейчас там хабара действительно очень много, но, когда его тащат все кому не лень, это сильно сбивает цену. Конкуренция, братец, и закон рынка. Вот почему таких, как ты, чужаков, скорее ментам сдадут, чем возьмут в долю. А если сам полезешь, то могут элементарно пришить. Понял?

– Понял.

– Но я не бандит, а... скажем так, свободный художник. Поэтому мне нужен такой чувак, как ты, – честный парень, не связанный с местной мафией. Понял?

– Понял, – кивнул Боб и допил пиво. Надо же! Ну и масть пошла, аж в горле пересохло. – А ты это, о «лимоне» сказал. Это в рублях?

«Депп» усмехнулся:

– Нет, Кант, не в рублях. Здесь тебе не Россия, а особый район. Только ты сразу учти – твои двадцать процентов от выручки. Знаешь, новичкам больше десятки не дают, но я тебе удвою. За риск. И красивые глазки.

– Шутишь?

– Шучу. Хотя парнишка ты и вправду симпатичный. Натуральный блондин. Поверь мне, бабы таких любят. Тебе бы в кино сниматься.

– Ладно тебе, – сказал Боб. От смешанных чувств радости и тревожного ожидания у него кружилось в голове. – Ты и сам ничего, на Джонни Девпа похож. Тебя, кстати, как зовут?

Незнакомец задумался.

– Если хочешь, так и зови – Джонни. Я не обижусь. А в принципе – один хрен. Ты мне вот что скажи – ты согласен?

– Согласен, – выпалил Боб. – Только я не понял, мы за чем идем? Неужели за Золотым шаром?

«Джонни» как-то странно хмыкнул.

– Нет, Шар нам ни к чему. Из Зоны его не вынесешь – за ее территорией он не фурычит. А идти к нему с просьбой – избави боже!

– Это почему?

– Да потому, что наверняка никогда нельзя знать, чего он отчебучит. Попросишь денег, а он тебя импотентом сделает. Или того хлеще – педиком. Нет, Кант, с Шариком лучше не

связываться. Да и не знаю я, где его искать, – если уж честно. Был тут один чудак, Бешеный Макс¹⁰, говорят, вроде находил его. Но... Короче, идем не за Шаром.

– Тогда за чем? И куда?

– Что касается «куда», то идем в одно интересное место. Больше тебе знать не надо. Хабара там, собственно, как грязи, поэтому ты мне и нужен. Мне одному не утащить, а ты парень крепкий. Но это не главное. Ты о Лунном Цветке в курсах?

– Не особо, – неуверенно ответил Боб. – Рассказывают разное. Только его вроде толком никто и не видел.

– Если бы не видел, то я бы тебя не звал. Наколка надежная. Семена Цветка – это особый наркотик, аналогов которому нет. Человек тащится от него так, что тысяча оргазмов этого кайфа не заменит. Но самое ценное и прикольное начинается потом. Съешь семечку, и такие чакры открываются, что тут же гением становишься. Ну не вообще гением, а в своем деле, к которому у тебя талант. Вот ты, к примеру, кем мечтаешь стать? Только честно.

Боб помолчал.

– Если честно, то я музыку пробую писать.

– Музыку? Неплохо. Вот и представь, что сразу станешь Полом Маккартни. Ну или Моцартом, на худой конец.

– Сомнительно что-то. Такого не может быть, я не верю.

– Ну, если не веришь, сам семечки можешь не глотать. Хозяин – барин. Без тебя полно желающих. Наша забота – семечки раздобыть. И каждое семечко – на вес золота. А то и дороже. Еще вопросы есть?

– Есть. Когда надо идти?

– Завтра рано утром.

– Оп-па! – вырвалось у Боба. – Уже? Я думал...

– Уже, – жестко произнес «Джонни». – А ты небось собирался неделю размышлять, с приятелями советоваться? Похоже, парень, ты не тот, кто мне нужен.

– Да тот я! Это я так... Уж больно неожиданно.

– Больно на ежа садиться голой... Короче, утром выходим, а следующей ночью собираем плоды. Цветок не каждую ночь цветет, поэтому надо ловить момент. И не вздумай кому трепануть. Бандиты прознают – все, сливай воду. И сам на бобах останешься, Боб, и меня под монастырь подведешь.

Скаламбуривав, «Джонни» усмехнулся.

– Я понял, – сказал Боб. На мгновение кольнула мысль: а откуда этот парень знает его прозвище, до этого только Кантом называл. Но Боб ее тут же отогнал. Если знает о фило-софском, то и прозвище мог узнать. Он же сказал, что наводил справки.

– Молоток. Тогда до встречи. Советую тут не засиживаться и девочек не снимать – лучше соберись как следует в дорогу и поспи. Там спать будет некогда.

«Джонни» встал, и через секунду его худощавая и гибкая фигура уже скользила между столиков. Он двигался так быстро, что у выхода из кафе едва не столкнулся с коренастым парнем в рубашке цвета хаки. Тот, изрядно пьяный, пер вперед, не разбирая пути. «Джонни» успел притормозить, но его непроизвольно выставленная ладонь уперлась в грудь «коренастого». Несколько мгновений они смотрели в лицо друг другу.

– Прощу прощения, – наконец пробормотал «Джонни». Затем, мягко хлопнув парня по плечу, ловко обогнул живое препятствие и исчез в проеме открытой двери. «Коренастый» удивленно похлопал ресницами, обернулся к выходу, потом все с тем же озадаченным лицом приблизился к стойке бара.

---

¹⁰ *Бешеный Макс* – замороженный бандит, персонаж романа С. Извольского «Золотой шар».

– Привет, Колян! – криво улыбнувшись, произнес бармен. – Бойцы вспоминают минувшие дни?

– Это ты о чем? – задумчиво отозвался подошедший парень.

– Да тут Васька Гуреев¹¹ с полчаса назад подвалил, – пояснил бармен. – Вон в том углу приземлился. Сказал, увидишь Варнака, пусть сразу топает ко мне. Сядешь к нему?

– Погоди малехо. Плесни-ка мне сотку для разгона.

– Для разгона? – Бармен кинул на собеседника оценивающий взгляд. – А мне показалось, ты уже и так под ватерлинию загрузился. Но тебе виднее. Как всегда, ирландского?

Он ухватил с полки литровую бутылку виски «Jameson» и, одним движением наполнив стакан на треть, пододвинул его Коляну.

– Моя ватерлиния – не твоя забота, Моряк, – пробурчал тот. – Ты за своей следи. Скажи-ка мне лучше... Я тут сейчас на одного перца наткнулся. Рыжеватый такой, усы, борода. Очки темные. Сечешь, о ком я?

– Кажется. В кепочке, да?

– Да, верно. В кепочке. Знаешь его?

– Нет, Колян, не знаю. – Бармен покачал головой. – Крутится тут несколько дней. Погоняло вроде Хмурый, но откуда взялся... Ты же понимаешь, за последний год столько разной шушеры понаехало. А ты у Канта спроси. Он с этим рыжим о чем-то базарил, я видел.

– А это что еще за фрукт?

– Кант? Да фраерок один из Питера. Смотри прямо по курсу – засекаешь блондина?

– Засаекаю.

Он одним глотком опорожнил стакан и, зычно крикнув, медленно двинулся в указанном направлении. Но не дошел, среагировав на визгливый женский выкрик:

– Отвали, урод сраный!

Колян сразу узнал голос, принадлежавший официантке Маринке. С разбитной голенастой брюнеткой, умевшей виртуозно вращать крутой попкой – так, что у мужиков шеи свинчивались на фиг, – он был знаком более чем хорошо. Можно сказать, очень близко был знаком. Поэтому резко развернулся и направился к столику, где Маринка отчаянно отбивалась от здорового негра в форме UFOR.

– Варнак! – крикнул бармен. – Ты бы того, поаккуратней. Их там трое.

Но Колян не услышал предостережения. Или проигнорировал. Бармен тяжело вздохнул и вытащил из-под столешницы трубку мобильного телефона...

Примерно через полчаса бармен, активно жестикулируя, объяснял лейтенанту патрульно-постовой службы:

– Я этим «лягушатникам» пытался втолковать, что не надо в «Радиант» соваться – не для них это место. Но они шары залили, и все по херу.

– Почему знаешь, что именно «лягушатники», а не немцы?

– Что я, картавый французский от других языков не отличу? Обижаешь. Так вот, заняли они столик, а потом давай Маринку лапать. Совсем уфры¹² обнаглели, ведут себя как будто в банановой республике.

– Это верно, – согласился лейтенант, отхлебывая из кружечки эспрессо. – Вконец охамели, суки.

– Ребята, вы на Варнакова сильно не наезжайте. Он же не со зла, всего лишь за бабу заступился. А этот черномазый уфоровец ему стулом по голове. Разве тут удержишься?

¹¹ Василий Гуреев – боец отряда особого назначения военной полиции Специальных Территорий (MPST), входящей в структуру ограниченного контингента объединённых войск UFOR, персонаж романа Д. Бурмистрова «Принуждение к контакту».

¹² Уфры, уферы, уфоровцы – варианты прозвища военнослужащих UFOR.

- Ну да, понаехали тут. Даже во Франции одни черномазые. Мушкетеры, блин.
- Так и я о том же. Хорошо еще, что Васька Гуреев вмешаться не успел. Пока с того конца зала добежал, Варнак уже всех ухайдокал. И слава богу. Вдвоем бы они «лягушатников» вовсе по стенке размазали. Но Колян это не со зла.
- Да мы чего? – флегматично отозвался лейтенант. – Мы ничего. Но он же этому негру череп бутылкой проломил. А у всех уфров дипломатическая неприкосновенность.
- Варнак сам в военной полиции служит. Разберутся, глядишь, между собой.
- Вот пусть и разбираются. Не надо было нас вызывать, Моряк. Теперь уже поздно.
- А как не вызвать? Они бы тут всю посуду перебили. А с кого потом хозяин спросит? С меня. И вообще, Парфюмер шума не любит. Но Варнак, он же свой...
- Свой не свой, но, похоже, допрыгался. Выпрут его из UFOR за такие художества. Как пить дать – выпрут.
- Если выпрут, он к вам в ППС перейдет. Вот увидишь, – сказал бармен. – Куда ему еще деваться в Искитиме?
- А я чего? Пусть переходит. Парень надежный. Только пьет по-черному.
- Это он после Скачка с катушек слетел, когда всех родных потерял.
- Я в курсе, – сказал лейтенант. – У меня тоже тогда тетка погибла, в Лебедевке. Труп так и не нашли. Ладно, ты про драку потом дознавателю расскажешь. Если, конечно, дело не замнут. А нам в отделение пора. Спасибо за кофе, Моряк.

Боб и «Джонни»

Июнь 2016 г. Новосибирская Зона Посещения

Боб обернулся и вопросительно посмотрел на «Джонни»:

- Нормально?
- Здесь нормально. Но вон туда я бы гаечку кинул, чуток правее осота.
- Осота?
- Ну да. Вон, видишь, корявый такой с желтыми цветками?
- Ага, понял.

Боб достал из кожаного мешка, висевшего на шее, гайку и, прицелившись, метнул вперед. Не с размаху и со всей дури, а от бедра и параллельно земле, как научил «Джонни» – чтобы гайка пошла на бреющем, нащупывая безопасный путь. Если летит без отклонения и всяких вывертов, значит, гравитационных аномалий по ходу движения нет. А если...

Чпок! Гайка, едва перелетев полуметровый, разлапистый куст осота, резко спикировала и с хрустом ушла в землю.

– Ох! – вырвалось у Боба. – Что же она такая здоровенная, эта «плешь»?

– «Комарики» разные бывают, – сказал «Джонни». – Но меньше шести метров в диаметре я не встречал. Если меньше, то это, скорее всего, «тещина рука». Тоже разновидность гравитационной аномалии, но площадь захвата два-три метра. И если «комариная плешь» плющит, как под прессом, то «теща» затягивает в воронку, а потом давит и рвет. Может и кожу на фиг содрать.

– Да уж... А я еще о «мясорубке» слышал. Что, и вправду такой же принцип действия, как у «мясорубки»?

По лицу «Джонни» мелькнула тень.

– А зачем тебе принцип знать? Не один фиг, в «мясорубку» попасть или в соковыжималку? Или ты у нас гурман?

– Черный у тебя юмор. – Боб поежился.

– Здесь иной не катит. И вообще, это не юмор, а техника безопасности. Главное, ушами не хлопать и всегда быть готовым к любой неожиданности. А как именно аномаль тебя схавает, с хреном или горчицей...

– Аномалия, – поправил Боб.

– Это у вас в Питере аномалия – родина слонов. А в Зоне – аномаль.

– А чего, как что, сразу Питер? – Боб насупился. – Ты же вроде грамотный человек. Аномаль – так только колхозник сказать может.

– Полегче с колхозниками, Гегель. Ты о профессиональном жаргоне слышал? Аномаль – так старые сталкеры говорят, уж не знаю, откуда повелось. Но ты в общем-то прав, молодые уже так не выражаются. Это в меня с детства въелось... Ты гаечку-то кинь. Теперь левее на пару метров.

Они продвигались по Зоне уже около шести часов. Почти всю дорогу маршрут выбирал и прокладывал «Джонни». И только после большого привала, устроенного на железнодорожной насыпи возле бывшего остановочного павильона, он выпустил вперед Боба. Мол, до конечной точки осталось совсем немного, попробуй себя в шкуре сталкера. А я подстрахую.

Боб повесил на шею мешочек с гайками, полученный от «Джонни», и пошел первым. Почти сразу за «железкой» они наткнулись на «порченную землю». «Джонни» велел двигаться вдоль нее – благо граница «порченки», обозначенная темно-коричневой, похожей на проволоку травой, просматривалась четко. Затем по правую руку нарисовалась «комариная плешь». Аномалию почуял «Джонни» и дал команду обметить ее с помощью гаек. Здоровенная оказалась «плешь», но проход вроде бы удалось нащупать.

Боб метнул гайку, и на этот раз она беспрепятственно пролетела мимо осота и мягко плюхнулась в траву.

– Вот теперь – нормалёк, – сказал «Джонни». – Так и ориентируйся. Слева следи за «колючкой», справа не забывай про «плешь». Гайки помнишь куда легли?

– Помню.

– Главное, не торопись. Держись центра коридора и вырубивай вон на тот камень? Видишь белый валун?

– Вижу.

– Дойдем до него, поднимемся на взгорок и там осмотримся. Ну, с Богом! И не дрейфь, я все держу под контролем.

«Джонни» ободряюще показал Бобу большой палец правой руки. Боб неуверенно улыбнулся, подтянул на спине пижонистый рюкзак ярко-желтого цвета.

– Похож я на сталкера?

– Один к одному. Хоть сейчас в кино снимай.

– Правда? Расскажу девкам в Питере, как я в Зоне отжигал, – кипятком описаются.

– Любишь девчонок?

– А чего их любить? Их трахать надо.

– Вон оно как? – сказал «Джонни». И бормотнул под нос: – А ты и впрямь философ, Кант.

– Чего?

– Топай, говорю. Здесь низинка, долго находиться в ней нежелательно. Наползет «зеленка» и проглотит без остатка.

Когда Боб двинулся вперед, «Джонни» огляделся по сторонам, затем, наклонив голову, медленно провел ладонями по лицу. «Не быть тебе, дурачок, сталкером никогда, – подумалось устало, без эмоций. – Каждый ищет то, чего хочет, но находит то, чего заслуживает. Не за себя стараюсь, прости меня, Бог, грешную».

Глава 3 Спасти свидетеля

Николай Варнаков

Август 2016 г. Среда. Искитим

До конца смены оставалось меньше получаса. Они медленно ехали на патрульном «уазике» по улице Чайковского, огибающей «карантинный» район. Слева, прямо по тротуару, тянулась колючая проволока, за которой начиналась полоса отчуждения. В пределах Искитима полоса была совсем узкой, в зависимости от особенностей городской застройки: где и десяти шагов не набиралось, где доходило до полусотни метров. А уже параллельно «колючке» шла бетонная стена, так называемый Периметр, ограждающая территорию Зоны Посещения.

После того как в результате Сдвига Зона накрыла часть домов на западе Искитима, и ушлый народ рванул на запретную территорию за артефактами, «бетонку» в городской черте возвели ударными темпами. Правда, возвели не очень качественно – едва ли не половину средств, выделенных на строительство из бюджета, как водится, «распилили» чиновники и подрядчики. Стена получилась тоньше, а местами и ниже проектных размеров, бетон, продержавшись зиму, растрескался и кое-где начал осыпаться. Изъяны компенсировали дополнительными рядами колючей проволоки поверх основного ограждения, сразу прозванного в народе «Великой Искитимской стеной». Сотрудникам патрульно-постовой службы, впрочем как и других подразделений российской полиции, вход на полосу отчуждения был закрыт – разве что в исключительных случаях при проведении совместной операции с военнослужащими UFOR. Но такое случалось крайне редко.

Ограниченный контингент объединённых войск, как гласило постановление ООН, обеспечивал охрану границ аномальных территорий Зон Посещения и сохранение стабильности на прилегающих территориях. Еще полтора месяца назад Николай Варнаков сам служил в отряде особого назначения военной полиции Специальных Территорий (MPST), входящей в структуру UFOR. В то время он почти не вылезал из Зоны, ликвидируя подпольные лаборатории по производству наркотиков, а заодно и особо борзых бандюганов из боевых группировок искитимских наркодельцов. Но в июне шестилетнее ношение формы с голубыми шевронами UFOR закончилось для Николая навсегда и с громким скандалом – после жестокой драки с тремя мордворотами из патрульного батальона охраны: со смежниками так сказать.

Хорошо еще, что обошлось без возбуждения уголовного дела – историю замяли в верхах, чтобы не бросать тень на славное братство по оружию под эгидой ООН. Темных пятен на «голубых касках» и без того хватало, а тут еще и конфликт между россиянином и тремя французами, двоих из которых угораздило оказаться неграми; в смысле – чернокожими выходцами из Сенегала. А это, братцы, уже не просто мордобой, а натуральная политика, приправленная проявлениями расизма – если поганые смишники прознают и раздуют в своих «таймсах» и «постах». Колян ведь в боевом запале пару раз противников суками черномазыми обозвал, да еще на вполне приличном английском. Не зря когда-то на Инязе учился.

Поэтому руководство UFOR утечки информации не допустило. «Лягушатники» в итоге отделались штрафами и десятью сутками гауптвахты. А Николаю ничего другого не оставалось, как подать рапорт на увольнение. Даже «батя», командир отряда особого назначения подполковник Олисов, не смог отмазать одного из лучших подчиненных. Некогда одного из

лучших. Если честно, Олисов и не особо старался. Совсем лейтенант Варнаков с катушек слетел в последние месяцы: пьянство, драки, несанкционированное применение оружия, превышение служебных полномочий при задержании правонарушителей... Сколько можно увещевать и воспитывать? У любого командира терпение лопнет.

Так Варнаков очутился в ППС Искитимского горотдела полиции.

– Ну что, завершаем круг и на «базу»? – спросил старший сержант Матющенко. – Ты как, Колян, после смены опять в «Радиант»?

– А куда еще? – буркнул Колян. – Надо горячего пожрать.

– Да, грустная у тебя житуха. Завел бы бабу нормальную, как моя Ритка. Придешь вечером со службы, а тебе на стол борщ с пампушками, на второе голубцы...

– Есть у меня баба.

– Это кто – Маринка, что ли? Нет, станок у нее на месте, любого заведет с полоборота, но... сопьешься ты с ней.

– Баба как баба. Для меня в самый раз.

Варнаков с трудом скрыл раздражение. Подобный разговор Игорь Матющенко заводил уже не в первый раз. На правах старого знакомого, когда-то игравшего с Коляном в одном искитимском дворе, он считал, что имеет право давать младшему по возрасту товарищу житейские советы. Хотя младше Колян был всего на два года.

– Ну не знаю... по мне это и не баба вовсе, а так, укол адреналина, – не успокаивался Игорь. Близкое завершение смены, видимо, действовало на него расхолаживающе. – Настоящая баба, Колян, это... вон сеструха Риткина, Нонка, давно на тебя глаз положила. Молодая, можно сказать почти не целованная. Давай я вас поближе познакомлю.

– Да видел я ее. У нее задница шире нашего УАЗа.

– И чего? Хорошей женщины должно быть много. И готовит она...

– Заткнись, а? – оборвал Варнаков. – Ну-ка, Михалыч, притормози.

Водитель Михаил Стеблов сбросил газ и, выехав на обочину, остановился. Колян смотрел на темные окна заброшенной «хрущевки»; сгущались вечерние сумерки; потихоньку накрапывал дождь. Он сам не понимал причину внезапного беспокойства. Вдруг резко и больно сдавило грудную клетку, словно при стенокардии. Варнаков, невзирая на неполные тридцать лет, уже знал, что это за зверь, – прихватило на следующий день после Скачка в июне прошлого года, когда поступила информация о гибели родителей и младшей сестры. Так прихватило, что понадобилось «скорую» вызывать.

– Ты чего, Варнак? – удивленно спросил Матющенко.

Колян медленно выдохнул и снова вздохнул. Нет, сердце билось нормально, и боли под грудиной уже не чувствовалось. Не стенокардия, значит. Но непонятная, иррациональная тревога не уходила – такая же, которая возникала при встрече с аномалиями в Зоне. Вроде и не видно ничего, и на первый взгляд все обычно и спокойно, но холодеет внутри и тянет нездешним сквозняком. Васька Гуреев, друг детства, с которым ходили в один класс, сравнивал это с могильным холодом. Васька еще пацаном, до поступления в Рязанское военное училище, помогал отцу копать на кладбище могилы и понимал, о чем говорит.

Нет больше Васьки – сгинул без следа в Зоне дней десять назад. Ушел сопровождать по приказу Олисова каких-то мужиков из спецслужб и пропал. Тела двух силовиков позже обнаружили ребята из спецназа военной полиции, а вот Ваську так и не нашли.¹³

– Колян, ты заснул, что ли? – вернул в реальность недовольный голос Матющенко.

– Еще нет. Вон видишь, там, в окне, вроде огонек мелькнул.

– Ну и чего? Сам знаешь, тут почти на каждом углу наркоманские притоны. Пусть ими наркополиция занимается. – Матющенко не скрывал недовольства. – А у нас пятнадцать

---

¹³ Подробно история Василия Гуреева описана в романе Д. Бурмистрова «Приглашение к контакту».

минут до конца смены, у Ритки уже ужин стынет. А то, хочешь, заваливай ко мне. Нонку позовем, посидим.

Варнаков не отреагировал на бубнеж напарника. Тревога не оставляла. Теперь она превратилась в боль, которая накатывала волнами из окон первого этажа. Колян физически ощущал, как боль пульсировала где-то там, в глубине темнеющих окон, будто раскаленный уголек, и стреляла ему в виски. Он суеверно тронул на правом запястье браслет из «черных брызг».

– Выходим и осматриваем подъезд, – сказал Колян. – Игорь, ты со мной. А ты, Михалыч, останься у машины.

– Варнак, да ты чего? – возмутился Матющенко. – На хрена нам это сдалось?

– Для кого – Варнак. А для кого – младший лейтенант Варнаков, – отрезал, как топором отрубил, Колян. – Оружие на изготовку, товарищ старший сержант.

Ругаясь под нос, Матющенко вылез из машины, со злостью хлопнув дверцей. А Коляну снова показалось, как в угловом окне мелькнул свет. Фонарик? Или керосиновая лампа?

Из этих домов в карантинном районе жителей выселили еще в начале девяностых, когда начали возводить базу UFOR. Их давно обесточили, чтобы не привлекать наркоманов, бомжей и прочий сомнительный и криминальный элемент. Однако «элемент» всё равно приспособливался, устраивая притоны и «малины»: особенно в теплое время года. А для освещения использовал все достижения цивилизации, начиная со свечек и заканчивая стационарными аккумуляторами. Но аккумуляторы, в основном, применялись в публичных домах низшего разряда, которые «крышевали» полицейские на пару с бандитами. Такие точки патрульные знали наизусть и никогда туда не совались – зачем вредить бизнесу коллег? Здесь же, судя по всему, находился обычный наркоманский притон, которые летом плодились, как грибы. Иногда их шерстили – при плановых облавах для поднятия отчетности. А в остальное время смотрели сквозь пальцы – кому они нужны, эти наркоши, кроме несчастных родителей? Вот если гробанут кого, тогда иное дело. Тогда можно и на «висяки» раскрутить – для поднятия той же отчетности.

Так что Игорь был, в сущности, прав. Не стоило бы сюда лезть, тем более под конец дежурства. Но импульсы тревоги и боли, острыми иголками колющие в виски, не оставляли места для рациональных рассуждений. Варнаков на глазах превращался в «универсального солдата» – так происходило с ним всегда, когда он ощущал большую опасность.

Они прошли по тротуару и свернули к подъезду.

– Стой здесь, у дерева, – приказал Варнаков. – Я вход проверю.

– Да заколочено же, – пробурчал Матющенко. – Видишь доски?

Тучи затянули небо, нагоняя темень. Дождь усиливался. Колян, не реагируя на ворчание напарника, медленно направился к подъезду. Мозг механически фиксировал детали. Крыльца нет – лишь невысокая бетонная ступенька. Дверной проем крест-накрест заколочен досками. Окна расположены низко, на высоте головы взрослого человека; с левого от подъезда окна – в котором Варнаков минутой раньше заметил мелькнувший свет – доски сорваны, а стекла в рамах разбиты; у стены несколько деревянных ящиков. Видимо, поставив ящик на ящик, когда-то залезали в окно, но сейчас ящики валялись в беспорядке.

Колян остановился у подъезда и потянул на себя одну из досок. Она со скрипом, медленно и тяжело, подалась навстречу вместе с дверью. Предчувствие не обмануло – доски держались не на косяке, а на двери, создавая иллюзию заколоченного входа. Колян уже собрался рывком распахнуть дверь, но что-то его остановило. Он не видел, что происходило внутри, но непроизвольно отшатнулся к стене, замер и прислушался. Вроде тихо.

Варнаков обернулся, оценивая позиции остальных патрульных. Стеблов, небольшого роста крепыш, стоял около УАЗа – как и велел командир. С выступающим животиком, неуклюжий, водитель издали смахивал на медвежонка – один к одному мишка косолапый. Но

Колян уже успел убедиться в том, что ловкости и сноровки Стеблову было не занимать. И службу он тоже знал – в отличие от разгильдяя Матющенко. Вот и сейчас тот, вместо того чтобы контролировать ситуацию, прикуривал сигарету.

Колян выразительно помахал Матющенко кулаком. Игорь, заметив жест командира, с демонстративной неторопливостью поправил ремень автомата. И, продолжая держать сигарету в зубах, уставился куда-то на окна второго этажа. Вот ишак! Нашел из-за чего обижаться. Ужин у него, видите ли, стынет.

Варнаков сосредоточенно поправил браслет – эта привычка появилась у него больше года назад и постепенно превратилась в примету – и только затем, держась за конец доски, приоткрыл дверь. И сразу же из темноты подъезда лупанула автоматная очередь.

– Ох ты... – неразборчиво всхлипнул Матющенко.

– Прикройте меня! – крикнул Колян.

В подъезд соваться было глупо, и он решил зайти с фланга. Подтащил к окну ящик и, забравшись на него, вслепую полоснул из АКС в проем рамы. Запрыгнув после этого в комнату, услышал дикий вой, перемежаемый матом, и, включив фонарик, увидел на полу окровавленного мужика с выпученными глазами. Накачанный биток с бритой головой совсем не походил на мирного заложника или утомленного жизнью наркошу. Поэтому Варнаков, не тратя времени на размышления о милосердии, припечатал «голосистого Кивина» ботинком в голову. Удостоверившись, что клиент отключился, выскочил в коридор, и в этот момент кто-то выстрелил в него из кухни. Пуля обожгла левое плечо. Колян упал на пол, перевернулся и, прячась за косяком, дал очередь. В ответ хлопнул пистолетный выстрел.

«Эх, гранату бы сюда!» – мелькнула мысль. Палец лежал на спусковом крючке, но, услышав звон разбиваемого стекла, Колян решил выждать несколько секунд. Затем снял с головы форменную бейсболку и мягко закинул ее в кухню. Кепка шлепнулась на пол, ничем не потревоженная. Варнаков прислушался и, прижимаясь к стене, проскользнул на кухню. Из разбитого окна пахло вечерней сыростью. Приглядевшись, он заметил мужчину, убегающего через заросшую бурьяном детскую площадку. Вот ты где, урод! Вскинув ствол автомата, прицелился и срезал бегущего выстрелом. Одним. В голову. Что бы люди ни говорили, а мастерство – не пропьешь.

Стало совсем тихо. Он вернулся в коридор и, открыв дверь в совмещенный санузел, осветил фонариком. В ванне, небрежно брошенные друг на друга, валялись три трупа: два парня лет восемнадцати – двадцати и совсем молодая девчонка лет шестнадцати. Судя по специфическому внешнему виду – опустившиеся наркоманы. Все убиты выстрелом в затылок. Варнаков крикнул и включил рацию:

– Игорь, как дела?

Вместо Матющенко через несколько секунд отозвался Стеблов:

– Коля, Игорь убит.

– Черт! Черт... Михалыч, ты уверен?

– Да, наповал. В шею попали.

– Подкрепление вызови.

– Уже вызвал.

– Хорошо. Да, и «скорую» тоже.

– Есть раненные?

– Наверное, есть.

Он стоял в коридоре и не мог сосредоточиться. Все с самого начала поехало не так. Совсем не так. Если в притоне находились бандиты, зачем они открыли огонь по полицейским – они что, совсем рамсы попутали? Хотели скрыть убийство наркоманов? Но зачем было их убивать? Они и так ходячие трупы. Чем-то помешали, не вовремя подвернувшись под руку?

Сейчас он уже жалел, что пристрелил убежавшего мужика, – мог и по ногам пальнуть. Нет, самого-то уroda ничуть не жалко, но одним источником информации стало меньше. Правда, есть еще раненый бугай, которого он отоварил ногой в висок. Не слишком ли сильно отоварил? Если и этот сдохнет, тогда проблем не оберешься.

И что-то еще не давало покоя. Чувство опасности вроде бы схлынуло, а вот тревога не уходила.

Варнаков остановился на пороге комнаты и повел лучом фонарика. Обстановка, как и положено, «а-ля бомжатник три звезды»: обшарпанные стены; на полу куски штукатурки и битого стекла, обрывки бумаги; в углу старая тахта, заваленная каким-то тряпьем... И запах. Запах запустения, сырости, грязи... и крови. Бугай, одетый в синий спортивный костюм, валялся слева от входа около стены, там, где его и припечатал Колян. Значит, отрубился капитально, если до сих пор не очухался. Хотя сколько времени-то всего прошло? Пара минут? Ну пусть три минуты... а рожа и впрямь бандитская. Пстой ка... Нагнулся, разглядывая лицо. Он уже видел раньше этого парня. Да, точно, видел – «бык» из бригады Роды Волчка, смотрящего за оборотом артефактов. Чего это человека Волчка в наркопритон занесло? Это сфера Хазара.

И в этот момент периферийным взглядом Варнаков заметил, как зашевелилась куча тряпья на тахте. Он выпрямился, вздернул ствол автомата и... не смог выстрелить. Инстинкт бойца, отработанный до автоматизма за семь лет службы в спецназе внутренних войск и военной полиции UFOR, неожиданно дал сбой. Инстинкт велел сначала ликвидировать опасность, а потом рассуждать и разбираться. Но... Что за херня?! Куча опять зашевелилась. Колян, преодолевая непонятное сопротивление внутри себя, все-таки нажал на спуск, но пули ушли вбок, со звоном рикошета от трубы отопления. И тут же все стихло – в магазине закончились патроны. А еще через секунду раздался негромкий, но отчетливый стон.

Варнаков матюкнулся, поменял магазин АКС и, держа оружие наготове, подкрался к тахте. То, что он в спешке принял за кучу тряпок, на поверку явилось грязным и рваным покрывалом; Колян, присев на корточки, осторожно потянул его за край. Сначала он увидел темные, сбившиеся в комки кудрявые волосы, затем обнажилось смуглое женское лицо со свежими кровоподтеками. Веки были опущены, но слегка раздвинутые губы еле заметно подергивались.

На этот раз кольнуло не в висок, а прямо в мозжечок. Даже не кольнуло, а долбануло электрошокером. Варнаков едва не вскрикнул, клацнув зубами. Господи... Не может быть! Наваждение какое-то... Он снял с пояса фляжку с водой и без церемоний плеснул женщине на лицо. Та, вздрогнув, приподняла веки и посмотрела мутными глазами. Потом губы задвигались, и Колян расслышал невнятный шепот...

– Ты в порядке?! – В дверном проёме стоял запыхавшийся Стеблов. – Кто стрелял?

– Не в меня, – устало произнес Варнаков. Затем, собравшись с мыслями, продолжил: – Вот этого перца упаковать надо. Глядишь, чего и скажет. Из людей Волчка, помню я его. Там в ванной три трупа, не исключено, что этот кадр их и порешил.

– Ни фига себе! – Стеблов присвистнул и переместился ближе. – А это кто?

– Не знаю. Наркоманка, возможно.

– Мертвая?

– Только что стонала. – Варнаков глянул на женщину, но та снова потеряла сознание. –

Подкрепление, говоришь, вызвал?

– Вызвал.

– Останешься за старшего. Я ее сейчас в больницу отвезу. – Колян легко, словно пушинку, поднял женщину на руки и направился к дверям. – Заодно сам повязку наложу. Меня в плечо зацепило.

– Я не понял, Николай. Сейчас же «скорая» приедет.

– Ага, сейчас. Жди. Ты чего, не знаешь, как они любят в «карантинку» ездить? Хорошо, если через час подкатят.

– Давай я перезвоню, скажу, что офицера полиции ранило.

– Не надо. Делай как я приказал.

– Ну я не знаю, – продолжал упрячиться Стеблов. – Тогда уж и бандюгана надо в больницу отвезти. Это же свидетель.

– Перебьется. Из него такой же свидетель, как из меня балерина. А вот женщина может что-то показать.

Они вышли на лестничную площадку.

– Посвети, – попросил Колян. – А то тут запросто ноги переломаешь. Приедут опера, скажи, чтобы здесь гильзы поискали. Отсюда в Матющенко стреляли. А во дворе, на детской площадке, еще один перец должен лежать. Из окна выскочил, я его снял.

– Думаешь, он Игоря подстрелил?

– Вряд ли. Он с пистолетом, а из подъезда очередями били.

– Я все же не понимаю, – Стеблов шел за ним вплотную, заглядывая через плечо в лицо женщины. – Нельзя тебе сейчас уезжать, начальство взгреет.

– Я же сказал – ранение у меня. Крови много потерял. И клал я на это начальство.

Варнаков устраивал женщину на заднее сиденье «уазика», когда подъехала вторая патрульная машина. Из нее еще на ходу выскочил полицейский с автоматом и подбежал к Коляну.

– Варнак, ты? Чего тут случилось-то?

– Плохо случилось. Бандиты в нас стрельбу открыли. Матющенко убит.

– Ох ты!

– Слушай, мне надо срочно в больницу. Вон Стеблов вас введет в курс дела. А пока оцепите подъезд и внутренний двор.

Он захлопнул дверцу и направился вокруг автомобиля к водительскому месту. Но там уже стоял Стеблов.

– Я водитель, я и поведу, – сказал твердо. – Тебе, раненому, нельзя.

– Можно!

– Хоть заорись, но за руль я тебя не пущу.

– А кто начальство встретит?

– Пока здесь без нас обойдутся. Вернемся из больницы – доложишь. А мне не в масть одному отдуваться, первому всегда шишки достаются. Ты кашу заварил, тебе и расхлебывать.

Колян посмотрел в холодные глаза Стеблова и не стал спорить.

– Ладно. Только гони быстрее, пока она не померла.

– Что, плохая?

– Хуже только покойники...

Глава 4 Трупы и тайны

Николай Варнаков

Август 2016 г. Среда. Искитим

До больницы они домчались за десять минут. Варнаков, грозно помахивая удостоверением, вызвал дежурного врача и потребовал, чтобы женщину отправили в реанимацию.

– Да кто она такая? – Очкастый врач брезгливо поджал губы. – Вы ее что, на помойке подобрали? Документы у нее есть?

– Документы есть у меня, – прорычал Колян. – Это особо важный свидетель. И вы за него отвечаете головой. Я понятно объяснил?

– Не пугайте меня. Здесь вам...

– А я не пугаю. По поводу головы я сказал в прямом смысле. – Варнаков поправил ремень автомата и оскалится. – Так вы меня поняли?

Очкарик пошлепал губами, произвольно косясь на вороненый ствол, и уныло про-
бормотал:

– Ладно. Если что – под вашу ответственность. Без документов, видите ли, без полиса...

– Вы запишите пока как Веру Иванову. С моих слов. А с полисом позже разберемся.

– Ну если с ваших слов... а что у вас с плечом? Вы что, ранены?

– Ранен. Но со мной – потом. Как ее состояние?

Врач осторожно приподнял женщине одно веко. Хмыкнул. Нахмурился:

– Думаю, что неважное. Ее что, чем-то кололи?

– Не исключено.

– Тогда понадобятся анализы. Больше сейчас ничего не могу сказать.

Пока медсестра делала Варнакову перевязку в травмпункте – идти в хирургическое отделение Колян категорически отказался, – Стеблов сидел на скамейке в коридоре и играл на стареньком айфоне в тетрис. Стеблова Колян толком не знал, впрочем, как и все в горотделе. Он устроился в ППС месяц назад. А приехал аж с Сахалина, где работал водителем в налоговой инспекции. Чего его понесло с Дальнего Востока в Искитим, под бок к Зоне Посещения, Колян не интересовался – его вообще мало что интересовало в последнее время. Но Стеблов сам рассказал, что оказался в Искитиме из-за бабы. Мол, познакомился с приятной блондинкой на курорте, закрутил роман, а та возьми и пригласи к себе в Сибирь на ПМЖ. Понятное дело, что незамужняя, своя квартира... Михаил подумал и согласился. Тем более что в ЗАГС идти блондинка не заставляла. Мол, поживем пока так – по любви...

– Ну как там бандитская пуля? – спросил Стеблов, когда Колян вышел в коридор с рукой на перевязи. – Я смотрю, крепко зацепило.

– Не особо. Навылет прошла через мякоть плеча. А перевязь я сестру специально попросил сделать.

– Понятно. – Стеблов подмигнул, но смотрел при этом хмуро. – Готовишь легенду для Зайцева? Боюсь, его этим не разжалобишь. Зря мы с тобой место происшествия оставили.

– Я тебя не заставлял, Михалыч. Сам напросился.

– Знаю. И свое огребу. Но главные плюхи достанутся тебе...

Стеблов как в воду глядел. Когда они вернулись на Чайковского, у «хрущевки» уже собралась куча народа: опера, криминалисты, следователь, прокурор. Ну и замначальника горотдела майор Зайцев, конечно.

– Докладывай, Варнаков, – буркнул Зайцев, когда полицейские, выбравшись из машины, приблизились к нему.

– Во время патрулирования заметили в доме подозрительное движение, – сказал Колян. – Решили проверить на предмет пресечения противоправных деяний. А по нам внезапно открыли огонь. Ну и...

– И в чем заключались противоправные деяния? – не дослушав, прервал майор.

– Деяния? Ну... огонек там в окне мелькал. Свет.

– Огонек, значит? Свет? – Зайцев говорил, почти не повышая голоса. Но как раз это показное спокойствие не обещало ничего хорошего. – Сколько тебе объяснять, Варнаков, что здесь не отряд особого назначения? Это в Зоне всё вне закона, а здесь ты должен охранять покой мирных граждан. В первую очередь охранять! А не гоняться с автоматом за людьми по подворотням. Ты что – опер? Или решил терминатором заделаться? Вот объясни мне, зачем ты в этот дом полез?

Колян молчал, наклонив голову.

– Мы стрельбу услышали, – вдруг сказал Стеблов, стоявший немного поодаль. – Вернее, выстрел.

– Выстрел?

– Да, выстрел. Мне показалось, что раздался выстрел. Ну я и сказал. А товарищ младший лейтенант решил проверить.

– Выстрел, значит? Если слышали выстрел, почему не вызвали подкрепление? А?

– Мы не думали, что там бандиты, – сказал Михаил. – Думали, может, пацаны балуются.

– Помолчи, Стеблов! – внезапно рявкнул майор. – До тебя еще очередь дойдет. Я тебя спрашиваю, Варнаков. Почему не вызвали подкрепление? Служебные инструкции для кого существуют? Чего молчишь?.. Вот скажи, как мне теперь объяснять Рите Матющенко, что ее муж погиб не за хрен собачий? Может, ты сам пойдешь и объяснишь? Так, мол, и так, дорогая Рита. Решил я самостоятельность проявить, ну а мужик твой в результате на тот свет отправился. Скажешь?

– Если надо – скажу.

– Вот как? – Зайцев помолчал, покачивая головой. – Нет уж, как-нибудь без тебя обойдемся. Не хочу я тебя к Рите посылать. А то ляпнешь еще ей чего-нибудь не то... Тебе ведь лишь бы подстрелить кого-нибудь. Или, на худой конец, морду разбить. Только в этом ты мастак. Эх, не хотел я тебя брать к нам. Да уж больно за тебя Олисов просил. Мол, пристройте парня, а то пропадет совсем... Это ты мужика во дворе завалил?

– Я.

– Хороший выстрел – в основание черепа. Прямо как в тире.

– Он в меня первым пальнул, – сказал Колян. – Что мне его, по голове гладить?

– А убивать-то зачем?

– Я в ногу целил.

– Да ну? Видимо, у него ноги из головы растут... С кого теперь показания снимать?

– Так есть же один кадр. Парень из бригады Волчка.

– Это которого на «скорой» увезли? В коме он... Ты мне скажи, почему без приказа оставил место перестрелки?

– Так ранило же меня. – Варнаков пошевелил рукой, висящей на перевязи. – В плечо. Крови много потерял. А еще требовалось оказать срочную медицинскую помощь важному свидетелю.

– Какому еще свидетелю?

– Мы в квартире женщину обнаружили. Живую.

– Раненая?

– Нет вроде бы. Но очень сильно избитая. Сейчас она в реанимации.

– Сказала что-нибудь?

– Нет. Без сознания была.

– Да-а, – протянул Зайцев. – Наделали вы делов. Даже допросить некого. И пять трупов в сухом остатке. Не считая тяжелораненого бандита и твоей избитой бабы. Собственные версии есть? Версий нет. Сейчас доложите все следователю. Потом поедете в горотдел и напишите объяснения. Подробнейшим образом все изложить. Подробнейшим!

Когда майор, побагровевший к концу беседы, словно рак, отошел, Стеблов произнес виноватым голосом:

– Ты извини, что я Зайцеву о выстреле сказал. Думал, что отмажу тебя, а получилось еще хуже. Извини, не просек я с ходу.

– Ладно, я догадался о твоих добрых намерениях, – сказал Колян. – Один хрен – влип я в дерьмо по самые уши. К одному не придерутся, так к другому. У них инструкции на все случаи жизни написаны, чтобы собственную задницу прикрыть.

– Знаешь, Колян, я ведь тоже сначала не понял, зачем мы в этот дом сунулись. Ну подумаешь, огонек в окне мелькнул. Мало ли здесь бомжей бродит. А ты, получается, проинту-ичил. – Михаил внимательно посмотрел на собеседника. – Игоря только жаль.

– Жаль. Но я ему семафорил. А он, видимо, уже об ужине мечтал.

– Хочешь сказать, Игорь сам виноват?

– Такого я не говорил.

Стеблов помолчал.

– Злой ты, Колян... временами. Когда объяснялово напишем, ты потом куда? Домой?

– Не знаю. В «Радиянт», наверное.

– Ты бы с ранением не шутил. Я бы на твоём месте выпил аспирина и в люлю.

– Выпью, – сказал Варнаков. – Пол-литра коньяка.

– Шутишь?

– Серьезно. Проверено на практике. стакан хорошего коньяка заменяет полстакана крови. Ладно, сначала я к следаку, потом ты. Надеюсь, наши показания не разойдутся?

– Не разойдутся. – Стеблов снова уставился на Коляна.

– Ну? – отозвался тот. – Ты спрашивай, Михалыч, если что.

– Пожалуй что и спрошу. Мы когда в больницу ехали... Та женщина, ты с ней на заднем сидел. Она вроде бормотала что-то.

– Бормотала? – удивился Варнаков. – Бредила она. Я ни одного слова не разобрал.

Арчибальд и Волчок

Искитим

Депутат Искитимского горсовета и владелец крупнейшего регионального банка Арсений Чибисов, он же «авторитетный бизнесмен» по кличке Арчибальд¹⁴, опустил на стол стакан в позолоченном подстаканнике и, отдуваясь, произнес:

– Нет, Родион, что не говори, а нет ничего лучше после баньки, чем чаек с лимоном. Зря ты на пиво налегаешь. От него печень пухнет и в ногах слабость. Вон живот-то распустил уже. Непорядок. А ведь бывший спортсмен.

---

¹⁴ Арсений Чибисов по кличке Арчибальд – персонаж романа В. Филоненко «Дегустаторы смерти».

– Так ты, Арсений Иванович, помнится, некогда тоже пивком не брезговал. Разве не так? – Волчок натянуто улыбнулся и промокнул салфеткой лоб. Несмотря на уютную, располагающую к полной расслабке обстановку, Родя чувствовал себя не в своей тарелке.

– Так-так, Родион. Только когда это было? Эх, летят годы...

Они сидели в комнате отдыха, больше смахивающей на шикарную гостиную, и вели неспешный деловой разговор. Волчок, хотя и считался вторым человеком в криминальной иерархии Искитима, аудиенции у Арчибальда удостоивался нечасто. Не его уровень. Пусть Арчибальд и сам когда-то в молодости провел не один год на нарах, но уже давно остепенился и вращался совсем в других кругах. Высоких кругах. С самим губернатором за руку здороваются при встрече, и даже с членами правительства, по слухам, вместе отпуск проводит на фешенебельных курортах. Однако и старые связи Арчибальд не прерывал, разве что не афишировал. Зачем отказываться от того, что еще может пригодиться? Как говорят в народе: «Не плюй в колодец...»

– Надеюсь, что недоразумение по поводу Бердска мы уладили. Ведь так? – Арчибальд пошарил глазами по столу и, выбрав желто-розовую грушу «Аббат», поднес ее к носу. – Ах, какой запах! Настоящий итальянский запах: солнце, виноградники, море... И женщины. Ты давно был в Италии, Родион?

– Давно. Некогда мне, Арсений Иванович, по заграницам шляться. А бабы и у нас в Сибири хорошие есть.

– Патриотизм, это правильно. Так ты передай Резо наш разговор. Думаю, он будет доволен.

– Передам слово в слово.

Лежащий на столе ярко-красный айфон забренчал «Мурку» – Родя любил душевную музыку. Он покосился на Арчибальда, но взял трубку:

– Я слушаю.

– Босс, у нас проблемы, – произнес гнусавый голос.

– Подожди, Антип.

Волчок изобразил кривую улыбку и, отодвинув стул, вылез из-за стола.

– Арсений Иванович, прошу прощения – срочные дела.

– Дела, это святое, – понимающе отозвался Арчибальд.

– Извините, я сейчас.

Родя бочком добрался до двери и, открыв ее, вышел в зал с бассейном. В воде плескались три обнаженные девушки. Бандит прошлепал босыми ногами по деревянному настилу в дальний угол и прижал трубку к уху.

– Ну чего там?

– Нас накрыли менты.

– Не понял.

– Менты, говорю, накрыли. Подъехали к хате, ну и... Нам пришлось стрелять.

Волчок поиграл желваками.

– Вы что там, охренели? Я же велел все сделать тихо.

– Так мы и делали тихо, – плаксиво произнес Антип. – Наркош зачистили, чтобы под ногами не путались, начали работать с девкой. А тут менты. Прямо как снег на голову.

– Что за менты?

– Вроде бы пэпээсники. Ну и – пришлось стрелять. У нас же там три жмура лежало.

– Ну и?

– Хреново вышло. Корня завалили, с Пельменем даже не знаю что. Его, вроде, тоже подстрелили. И вроде бы на «скорой» увезли. Я сейчас пробую пробить, что с ним. Мне бы...

– Да хрен с ним, с Пельменем! – оборвал Родя. – Девка как?

– Не знаю.

– Как, мать твою, не знаешь?!
– Ну, не знаю, босс. Она в отключке была, после того как Корень ей транквилизатор вколол. Сейчас, говорит, как миленькая запоет. А она взяла и отрубилась. Ну а тут эти менты. Я еле ушел. Там и сейчас ментов полно.

– Стоп, не тараторь. Она сказала хоть что-то?
– Нет, ничего. Крепкая, сучка. Молчала, как партизанка.
Волчок набрал в легкие воздух, затем медленно выдохнул, глядя в потолок.
– Слушай, Антип, землю рой, но девку мне найди! – прорычал в трубку. – Сроку тебе – до утра. Не найдешь – самого зарюю. Усек?
– Усек, босс. Босс, я ребят возьму? Мне одному не справиться.
– Возьми. Бобра найди, скажи, что я велел подмогнуть. И – ты меня понял. Все, до связи.

Закончив разговор с Антипом, Родя тут же набрал другой номер.
– Слушаю тебя, Родион, – после нескольких длинных гудков отозвался абонент.
– Надо срочно перетереть тему. Давай, э-э... – Волчок машинально взглянул на запястье левой руки, – ...э-э, сколько сейчас времени?
– У тебя чего, братки часы сперли? – съехидничал собеседник.
– Я серьезно. Сколько сейчас?
– Ну-у семнадцать минут одиннадцатого.
– Давай через сорок минут в нашем сквере. В одиннадцать, короче.
– Что за спешка, Родион? Я футбол смотрю.
– Забей на футбол. Нужна твоя помощь, дело очень срочное.
– Вообще-то я не мальчик на побегушках.
– Так и башляют тебе по-взрослому, – хмыкнул Родя. – Оплачу как ночную смену – по двойному тарифу.

Вернувшись в комнату отдыха, Волчок произнес с кислым лицом:
– Арсений Иванович, я сваливаю. Спасибо за теплый прием, но... Непредвиденные обстоятельства по работе.
– Жаль. А я хотел тебя свежей рыбкой угостить. Видел, в бассейне плещется? – Арчибальд негромко засмеялся. – Но не смею задерживать. Работа – это святое. Может, помощь нужна?

– Спасибо. Думаю, сам управлюсь.
– Ну смотри...
Едва Волчок, одевшись, вышел в коридор, как Арчибальд взял со стола рацию и сказал:
– Жора, Родя идет к машине. Отправь за ним ребят, пусть глянут, куда он сорвался. И давай ко мне...

Не прошло и десяти минут, как в дверном проеме возникла худощавая фигура начальника службы безопасности и по совместительству директора ЧОП «Барьер» Жоры Лежава¹⁵. Он вошел, беззвучно распахнув дверь, и встал у порога.

– Садись, – кивнул подбородком Арчибальд. – Удалось прослушать, с кем он базарил? Жора присел у дальнего края стола, раскрыл черную кожаную папку:
– Первый звонок был от Антипа. Мелкая сошка, порученец Волчка. Перехват, к сожалению, не очень качественный, но кое-что вычленить можно.
– Не тяни kota за яйца. Ближе к сути.
– Они говорили о какой-то женщине, точнее, девке. Я так понимаю, что она была у них в руках.
– Девке? – Глаза Арчибальда блеснули.

---

¹⁵ Жора Лежава – персонаж романа В. Филоненко «Дегустаторы смерти».

- Так ее называл Волчок.
- Думаешь, наша клиентка?
- Пока не уверен, Арсений Иванович. Но похоже, что это след.
- Ты сказал, что «она была в руках». Что это значит?
- Похоже, что она пропала. Я так понял, что «точку» накрыла полиция, и теперь Волчок в бешенстве. Требуется от Антипа, чтобы достал девку хоть из-под земли. Значит, они ее потеряли.
- Непонятная история. – Арчибальд закинул в рот крупную ярко-красную ягоду клубники и, не торопясь, почмокивая, разжевал. – Что-то успел выяснить?
- Времени было в обрез, Арсений Иванович. Вроде бы около двух часов назад произошла серьезная перестрелка на границе «карантинки», на Чайковского. Есть убитые и раненые. Мы сейчас проверяем эту информацию.
- Лады. А второй разговор?
- Второму абоненту Волчок позвонил сам. Номера в нашей базе нет. Но мы работаем. Ребята сидят на хвосте у Волчка, возможно, он сам выведет на свой контакт.
- Лады. Работайте дальше.
- Я пошел?
- Ступай. Хотя... – Арчибальд ухватил толстыми пальцами следующую ягоду. – Не в службу, а в дружбу – загляни в бассейн. Позови сюда эту, новенькую, беленькую. Проведу ходовые испытания. – Он хохотнул. – А впрочем, зови всех трех. И до утра меня не беспокой. Война войной, а обед по расписанию.

Глава 5 Утро приносит смерть

Николай Варнаков

Август 2016 г. Четверг. Искитим

Варнаков проснулся от повизгивания будильника на мобильном. По звуку нашарил трубку, нажал на кнопку. Приподнял голову и снова уронил. Сейчас, сейчас... еще немного подремлю... Где я, черт? С усилием разлепив веки, поводит по сторонам глазами и уткнулся в черную копну волос на соседней подушке. Ага, знойная брюнетка по имени конфетка. Значит, я у Маринки. Сколько же я накануне... Черт!!!

Он подскочил на кровати и присел, спустив ноги на пол. Черт! От резкого движения дернуло в левом плече. Теперь он вспомнил почти весь вчерашний вечер. По крайней мере – самое главное. То, что не смог бы забыть ни при каких обстоятельствах.

В душе включил ледяную воду и пару минут стойчески обливал себя, стараясь не замочить повязку на левом плече. Мыслей толком и не было, лишь крутились в мозгу, как испорченная пластинка, несколько одних и тех же слов...

Колян стоял на кухне у раскрытого шкафчика – *где же у нее кофе?* – когда в голову так шарахнуло, что он, не сдержавшись, вскрикнул и присел от боли. Хватая раскрытым ртом воздух, как сомнамбула, добрел до спальни. Взял с тумбочки мобильник и набрал номер приемного покоя:

– Это лейтенант Варнаков из полиции. К вам вчера женщину положили в тяжелом состоянии, Веру Иванову. Как ее состояние?

– В какое время, укажите точнее.

– В девятом часу вечера.

– Минутку, сейчас посмотрю... так, есть такая. Пока в реанимации.

– С ней все в порядке, вы уверены? – Колян чувствовал очень неприятное, нервное беспокойство – так, что внутри потряхивало. Что там может трястись? Кишки, что ли? Давно он уже так не нервничал.

– Откуда я могу знать? – с раздражением произнесла сестра. – У меня указано – в реанимации, значит, в реанимации.

– А вы не могли бы проверить? Может быть, у дежурного врача спросить?

– Не могу. У нас сейчас пересменка начинается.

– А все-таки? Вам из полиции звонят, это важно.

– Ну и что, что из полиции? И вообще, откуда я знаю, кто вы такой? Приезжайте сюда и узнавайте. Мне некогда, мужчина, вы понимаете?

Пока Варнаков собирался с мыслями, раздались короткие гудки.

– Коля, сколько времени? – пробурчала, не отнимая голову от подушки, Маринка.

– Рано еще. Спи.

– А ты?

– Я на службу.

– А что матери сказать?

– Какой?

– Коля, ты что? Моей. – Маринка заворочалась и полуприсела, подтянув под спину подушку. – Ты что, ничего не помнишь? Ну ты даешь!

– А чего я должен помнить?

Он опустил рядом на кровать.

– Да я же тебе вчера рассказывала, – забубнила Маринка с полузакрытыми глазами. – Мать уборку делала и нечаянно папашину Библию уронила. Ну, она ее в шкаф засунула, после того как папаша пропал. А тут вещи перебирать стала и уронила эту Библию. А оттуда свернутый листок бумаги выпал. Представляешь, наш папаша что-то вроде предсмертной записки оставил... – Маринка, наконец, открыла один, желто-зеленый, как у кошки, глаз и нашла им Коляна. – Вспоминаешь?

– Смутно, – признался тот. Отец Маринки, Павел Карпенко, слесарь-сантехник без постоянного места работы и «белый» сталкер, пропал осенью прошлого года. Ушел из дома и не вернулся. Теперь Варнаков начал вспоминать, что Маринка ему и на самом деле вчера что-то рассказывала, еще в «Радянте». Но что именно? – Помню, но смутно. А что дальше-то?

– Ну вот, а я вчера старалась. Идиот ты, Колян.

– Ты расскажи сейчас, я исправлюсь. Только шустро, а то я опоздаю.

– Вечно у тебя шустро.

– Сегодня ночью тоже шустро было?

Он не удержался и засунул «знойной брюнетке» ладонь между неплотно сдвинутых колен.

– Нет, сегодня ночью было долго. Ай, дурак! Не лезь! – Варнаков не без сожаления отдернул руку. – Коля, я же серьезно про отца. Он записку оставил в Библии, понимаешь? Написал, что к нему приходили бандиты Роди Волчка. Гоша этот Куцый, ну ты его знаешь. И еще кто-то. Угрожали и требовали, чтобы он провел их к тайному месту.

– Какому еще тайному месту?

– Не знаю. Папаша так в записке указал, что, мол, требовали показать дорогу к тайному месту. Угрожали, если не согласится, то убьют всех. И его, и жену, и детей. Представляешь, и меня тоже. Вот сволочи!

Маринка с ожесточением почесала голову и добавила еще несколько непечатных слов.

– И папаша решил их проводить до этого места. Говорит, пишет в смысле, что решил показать этим заблудшим отрокам дорогу, чтобы отвести беду от своей горячо любимой семьи. А еще потому, что чувствует на себе тяжкий и несмыаемый грех. Так и написал: тяжкий и несмыаемый. И нет ему прощения. А внизу приписал, чтобы не искали его, если что с ним случится. А он всех любит и целует. И просит простить за все нанесенные обиды. Вот. Представляешь? Никогда не думала, что мой папаша может просить прощение за нанесенные обиды.

– Да, странная история, – сказал Варнаков. – А от меня-то ты чего хочешь?

– Как чего? Посоветоваться. Ты же в полиции работаешь. Мать просила с тобой посоветоваться. Может, эту записку в полицию отнести?

– Зачем?

– Как зачем? Ну ты совсем тупой после вчерашнего. Там же имена указаны: Родя Волчок и Гоша Куцый. Может, полиция дело заведет?

– Погоди. А ты Гошу давно видела?

– Я вообще его не видела. В смысле – с осени. А то бы я ему сейчас глаза выцарапала. Так что делать-то? Идти матери в полицию?

– Надо подумать, – сказал Варнаков. – Давай мы эту тему вечером перетрем.

– Ага! Ты вечером опять напьешься.

– Я не сразу напьюсь. А сейчас спи. Мне некогда.

Маринка, ворча, снова растянулась на кровати. Варнаков же вернулся на кухню и замесил в кружке пять ложек растворимого кофе. Посмотрел на часы – до девяти оставалось совсем немного. Успею? Опаздывать на ковер к Зайцеву нельзя. Ситуация и без того херовая...

Раздумья прервал звонок от Стеблова:

– Не спишь? Я решил на всякий случай звякнуть. Не забыл, что нас ждет с утра?

– Не забыл, – вяло сказал Колян.

– Ты чего такой вареный? Как рука?

– Терпимо.

– Ладно, я уже выезжаю. Да, ты на машине?

Варнаков посоображал. Мог ли он вчера после «Радианта» вести автомобиль? Вряд ли... А Маринка за рулем – это даже не обезьяна с гранатой, а Годзилла с базукой.

– Нет, наверное. На тачке доехал.

– Понятно. Тогда я к тебе сейчас заскочу. Ты... дома?

– У Маринки.

– Тогда диктуй адрес.

Допив кофе, Варнаков зашел в спальню и быстро оделся. Надев разгрузочный жилет песочного цвета, который таскал почти постоянно и летом, и зимой, механически проверил карманы. Удостоверение, кошелек, мобильник на месте, германский карманный нож-выкидушка «Voker» и зажигалка – тоже. Колян никогда не курил, но бензиновую зажигалку ИМСО, подарок Васьки Гуреева, и несколько таблеток сухого спирта всегда носил при себе. На территории Зоны огонь и тепло в любой момент могут пригодиться. Правда, в Зону ему теперь, похоже, путь закрыт, но не менять же из-за этого привычки?

Не удержавшись, погладил спящую Маринку по круто выступающей ягодице. А Игорь говорил, что это не баба! Эх, Игорь...

Они все-таки немного опоздали. Едва вошли в здание горотдела, как дежурный, заметив их, закричал из окошка:

– Эй, Варнаков, тебя Зайцев искал. – Уже тише добавил: – Учти, рвет и мечет. Тебя, Стеблов, тоже спрашивал.

Разговор с Зайцевым занял меньше десяти минут. Михаил ожидал своей очереди в коридоре. Посмотрев на бледное, покрывшееся розовыми пятнами лицо Варнакова, сказал:

– Десять лет без права переписки и вазелин за свой счет. Я угадал?

– Почти. Отстранили на время служебной проверки.

– Что шьют?

– Превышение полномочий, повлекшее тяжкие последствия.

– Все? Неприятно, конечно, но...

– Нет, не все. По Корневу могут возбудить уголовное дело.

– Это кто такой?

– Браток из бригады Роди Волчкова. Тот, которого я во дворе завалил.

– Так он же бандит? – Стеблов в растерянности вскинул брови.

– По Зайцеву, бандиты тоже люди. Считает, что я его умышленно застрелил.

– Ну и дела... Похоже, ты кому-то сильно не нравишься.

– А пусть поцелуют меня в зад. Иди, Зайцев тебя ждет. Можешь на меня все валить, мне по хер.

– А мне – нет. Колян, ты не уходи. Подожди меня.

– Подожду, – сказал Варнаков.

Он вышел на крыльцо. На улице опять моросил дождь. Вроде и не холодно было, но Колян вдруг почувствовал озноб. Нахохлившись, набрал номер приемного покоя.

– Да, – сказала медсестра. – Есть такая Иванова. Вернее, была.

– Это... как понимать?

– В прямом смысле. Умерла она.

Варнаков сжал трубку. Сипло спросил:

- Когда?
- Что? Говорите разборчивей.
- Я спросил – когда умерла?
- Где-то с пол часа назад. Ну, может, чуть раньше.

Он спустился с крыльца и стоял неподвижно несколько минут, не обращая внимания на дождь. «Умерла, значит», – крутилось в голове. Значит, умерла... затем начал ходить взад-вперед вдоль здания горотдела. Умерла, значит, все-таки...

- Здесь, на тротуаре, его и застал Стеблов.
- Вот ты где? А я уж подумал, что не дождешься, пойдешь похмеляться.
  - Дождался. Как у тебя?
  - Меня тоже отстранили, – довольно-таки бодро произнес Михаил.
  - Тебя-то за что?
  - Да так. Наверное, не то сказал, что хотели услышать. Ты куда сейчас?
  - Не знаю. Хотя...
  - Давай до дома подброшу.
  - До дома? Нет, пожалуй... знаешь, если не спешишь, подкинь до больницы.
  - Что, хреново?
  - Да нет, просто повязку поменять надо.
  - Вот это правильно, – сказал Стеблов. – Я смотрю, она у тебя под дождем намочла...

Не болит?

- Что?
- Рука, говорю, не болит?
- Нет, – сказал Колян. – Рука не болит.

Глава 6 Мертвые не молчат

Николай Варнаков

Август 2016 г. Четверг. Искитим

Стеблов высадил Коляна у ворот больницы. Спросил:

- Тебя подождать?
- Не надо. Тут, наверное, очередь.
- Ну смотри...

Варнаков миновал небольшой скверик и приблизился к главному входу. Он поднимался по ступенькам крыльца, когда из дверей вышел капитан Сидоренко в сопровождении какого-то перца в джинсовом костюме. Сидоренко возглавлял в отделе внутренних дел Искитима подразделение по борьбе с незаконным оборотом артефактов. Варнаков был знаком с капитаном шапочно – сталкивался несколько раз, когда еще служил в отряде особого назначения, но плотно не пересекался. И не жалел об этом. Осведомленные люди поговаривали, что Сидоренко имел общие дела с небезызвестным Родионом Волчковым, а Колян «оборотней в погонах» презирал. Вот и сейчас ни он, ни Сидоренко не поздоровались – лишь посмотрели друг на друга и отправились каждый своей дорогой.

Показав удостоверение, Варнаков получил халат и прошел в реанимационное отделение. Там он минут десять безуспешно пытался выяснить подробности смерти «Веры Ивановой» – его отфутболивали, потому что произошла пересменка, и работавший ночью персонал уже разошелся по домам. Наконец, какая-то медсестра, оценивающе взглянув на настойчивого полицейского, снизила до его проблемы. Поигрывая глазами, она посоветовала обратиться к женщине, лежавшей вместе с «Ивановой» в реанимационной палате.

- Она еще там находится, – сказала медсестра. – Может, вспомнит чего.
- С ней можно разговаривать?
- Даже не знаю. – Женщина выразительно надула пухлые губы.
- Извините, как вас звать?
- Вообще-то я Наташа.
- Наташа, мне очень нужно. – Колян молитвенно прижал ладонь к сердцу. – Просто край.
- Вообще-то это у врача... так-то ей уже лучше. Но...
- Пять минут.
- Ладно. Но я в коридоре подожду, – строго сказала медсестра. – Ее Саня зовут.

Саня лежала под капельницей. На вид – лет сорок. Смуглое лицо с широкими скулами и узкими продолговатыми глазами сразу выдавали представительницу восточной народности.

- У вас тут ночью женщина лежала, умерла утром, – сказал Варнаков, присев рядом на стул. – Вы ее запомнили?
- Совсем не запомнила, однако. Стонала она иногда. Вскрикивала. Один раз меня сильно разбудила.

Саня говорила с характерным произношением, иногда неправильно расставляя слова, которое Колян встречал у жителей татарских деревень.

- А когда она умерла, вы... Вы что-то видели?

– Видела. Когда ее увозили – видела. А когда умерла – не видела. Спала я тогда. – Она прикрыла глаза и провела кончиками пальцев по лбу. – Жалко ее. Молодая совсем была. И вот – нету уже.

– Почему вы решили, что она молодая?

– Я не знаю. Медсестра так сказала. Жалела. Молодая, говорит, совсем.

– Вы сказали: она вскрикивала. Может, слова какие-то произносила?

– Слова произносила. Только неразборчиво. Бредила, наверное.

– Совсем ничего не разобрали?

– Почему ничего? «Ай гюль» она говорила. Несколько раз. Еще говорила «Скажите отцу».

– Скажите отцу?

– Да, скажите отцу. Медсестре она говорила.

– Медсестре?

– Да, ночью. Когда та к кровати подходила, она сказала: «Скажите отцу... пусть... ай гюль».

Варнаков на секунду задумался, затем повторил, имитируя интонацию собеседницы:

– Скажите отцу... пусть... ай гуль? Так?

– Может, и так. Однако, плохо было слышно.

– И все?

– Все, наверное. Бредила, может, я не знаю. Вы мне воды подадите?

Колян взял с тумбочки стакан с водой и протянул Сание.

– Айгуль, это ведь имя такое, верно?

– Имя тоже есть, да. «Лунный цветок» по-нашему.

– Как?.. Лунный цветок?.. Айгуль – это, получается, два слова?

– Имя – одно слово. А переводится двумя словами. Ай – значит луна, гуль – цветок.

Вообще-то мы говорим «гюль». Но «гуль» тоже можно. Это по-тюркски.

– Мы – это татары?

– Вообще-то я башкирка. – Сания усмехнулась кончиками губ. – А вам эта женщина кем приходится?

– Никем. Я провожу расследование.

– Понятно. А я подумала...

– Что?

– Побледнели вы сильно. Душно здесь...

Медсестра стояла в коридоре у окна.

– Я уложился, как обещал, – сказал Варнаков.

– Выяснили, что хотели?

– Да. Вернее, спросить спросил, да только почти ничего не узнал.

– А эта женщина, покойница, она кто? Ваша, э-э...

– Неизвестно кто. Личность пока не установили.

– Видимо, натворила она делов, – поблескивая глазами, заметила медсестра.

– Почему вы так решили?

– Суеты вокруг нее много. Только что перед вами еще один полицейский о ней спрашивал. Лысоватый такой, с усами. Капитан, кажется. Не ваш?

– Капитан Сидоренко?

– Да, верно, Сидоренко.

– Он из другого подразделения, – сказал Колян. – Где тут у вас морг?

– Хотите осмотреть труп?

– Хочу.

– Вообще-то... я могу вас проводить. А вас где это? – Она аккуратно, одним мизинцем, дотронулась до плеча Варнакова. – В перестрелке?

– Нет, – сказал тот. – Жена горячей сковородкой ударила. Так что насчет морга?

Лицо женщины мгновенно поскучнело.

– Сейчас идите прямо, – произнесла сухо, – потом налево до самого конца. Дальше спросите...

Когда Колян вышел на улицу, то почти сразу увидел Стеблова. Тот стоял около своей «Нивы», припаркованной на другой стороне улицы. Заметив Варнакова, Стеблов активно замахал рукой. Колян перебежал через дорогу и, нахмурившись, спросил:

– Ты чего здесь делаешь? Я же просил не ждать.

– Да я тут подумал... Мне все равно домой нельзя. У моей сегодня выходной, понимаешь? Приду раньше времени, спросит, почему я не на службе. А я не хочу пока ей о своих проблемах рассказывать. Вот и решил тебя подождать.

– Зря. Я пешком пройдуся. Надо раздышаться малость. А то как-то...

– Как рана? Врачу показался?

– Показался. Нормально рана. До свадьбы заживет.

– Значит, врач говорит, что все в порядке?

– Ага. А что?

– Колян, не пудри мне мозги, – сказал Стеблов. – Я же вижу, что ты повязку не менял – она у тебя серая и намокшая. Чего тогда в больнице делал столько времени? Только не свисти, что просидел в очереди, а потом медсестра ушла на обед... Нет, не хочешь говорить, не надо. Только не ври... Это из-за той женщины ты ходил, верно?

Варнаков искоса взглянул на Михаила, потом молча кивнул.

– Что с ней?

– Умерла.

– Вот как... получается, что все-таки знакомая?

Колян снова кивнул.

– Сочувствую... – Стеблов, для приличия, сделал паузу, но тут же деловито продолжил расспросы: – Близкая знакомая?

– Вроде того. Знал когда-то.

– И что теперь? Родные-то ее в курсе?

– Родные? Вряд ли... – Варнаков задумчиво посмотрел на Михаила. – Ладно, если тебе и впрямь делать нечего – подбрось к ее отцу на Школьную. Это на северо-западе, частный сектор. Почти у границы с Периметром. Только там уже не жди. У нас разговор может долгим получиться.

– Понимаю. Садись, поехали. А мать у нее где?

– Умерла.

Когда машина тронулась, Стеблов спросил:

– Как ее хоть звали? Я не из праздного любопытства, она ведь кем-то вроде свидетеля была...

Лицо Варнакова напряглось.

– Вафидой звали, – выдавил глухо. – Вафида Нагаева. Моя бывшая невеста. Раз уж ты такой нелюбопытный. Только ты пока об этом молчи, ладно? Если Зайцев прознает, то вони не оберешься.

– Это верно. Ты ему должен был еще вчера об этом доложить. Но он все равно прознает. Ведь отец придет в морг забирать труп, верно? Значит, проведут опознание. И если она твоя бывшая невеста, то факт вашего знакомства обязательно всплывет.

– Возможно, что и не всплывет. Короче, надо сначала с Нагаевым поговорить.

Стеблов с недоумением покосился на собеседника.

– Хочешь, чтобы она прошла как неопознанный труп? Вряд ли отец на подобное согласится. Дочь, как без похорон?

– Тут все не так просто. Но это долго объяснять.

– А ты коротко. По сути.

Варнаков откликнулся не сразу. Сидел, откинувшись на подголовник, и молчал.

– Ладно. Но только по сути. Я считал, что Вафида погибла. В июне прошлого года, во время Скачка. Тогда около Сельской как раз ежегодный рок-фестиваль «Посещение» проходил. Вот Вафида там и оттягивалась вместе с приятелями-экстремалами. Я с ней к тому времени уже давно не общался. Расстались мы к тому времени. Мне об этом позже Равиль Салихович рассказал, отец ее. Короче, пропала она во время Скачка...

Там тогда несколько тысяч человек пропали, почти все, кто на фестивале тусовался. Труп Вафиды, правда, никто не видел. Но ведь эти трупы никто толком и не ищет. По закону считается, если был на территории, попавшей под Скачок, и не вернулся – значит, погиб. Достаточно показаний свидетелей. А она не вернулась. Но в районе Лебедевки, практически в черте села, у мостика через Петушиху обнаружили «Ладу» ее друзей, – с которыми она и отправилась на фестиваль. Кто-то из поисковиков позже наткнулся. В машине остались документы, в том числе лежала сумочка Вафиды с ее мобильным.

– Погоди, – сказал Стеблов. – Но как они очутились в Лебедевке? Я в вашей географии, конечно, не очень силен, но Сельская, она ведь ближе к Бердску. Верно?

– Верно. Да не знаю я, почему они там очутились. Может быть, в Искитим возвращались. Важно, что ее знакомые тоже сгинули с концами – ни ответа, ни привета.

– Теперь понятнее. Значит, ты считал, что она погибла. И ничего о ней с той поры не слышал. Так?

– Так.

– И сообщил тебе о гибели отец. А она, выходит, осталась жива? Вот сейчас объявилась?

– Да.

– А отец? Он тоже до сих пор считал ее погибшей?

– Именно об этом я и хочу с ним поговорить, – глядя перед собой, мрачно произнес Колян...

Около дома Нагаева на обочине стоял автомобиль «ауди».

– Рули до угла квартала и там тормози, – велел Варнаков, когда они уже проехали мимо. – Вон там, у столба.

Стеблов подъехал к указанному месту и заглушил двигатель. Колян приоткрыл дверцу, но вылезать не стал. Словно бы задумался.

– Собираешься с моральными силами? – спросил Михаил.

– Вроде того... вон видишь сзади тачку?

Стеблов, не оборачиваясь, посмотрел в зеркальце заднего вида:

– Вижу. «Ауди» вроде.

– Она у дома Нагаева стоит.

– Так дом там?... Хочешь сказать, у Нагаева гости?

– Угу.

После паузы Михаил произнес:

– Знаешь, Колян, ты рожай скорей. Либо мы вместе, либо действуй в одиночку.

– Ты на что намекаешь?

– На то, что ты постоянно темнишь. Я уже видел эту синюю тачку – около больницы. Так что кое о чем догадываюсь. Но ты знаешь больше меня. Так не пойдет. Либо мы вместе...

– А мы вместе?

– Пока – да. Дальнейшее зависит от обстоятельств. Я тоже к этой истории причастен. Не так, конечно, как ты. Но не люблю загадок и всяких там непонятных совпадений. Ты не забывай, что вчера Игоря убили. А мы под раздачу попали. Получается, что я теперь скрываю информацию, важную для следствия. И мне хочется понять, для чего я это делаю.

– Ты уверен, что хочешь? – с напряжением спросил Варнаков.

– Уверен. Я же сказал, что не люблю загадок. А еще не люблю, когда в меня стреляют неизвестные. Ведь вчера на Чайковского в меня тоже стреляли. И тоже могли хлопнуть, как Матющенко. Из-за чего? Так мы напарники или нет?

– Ну ладно. Если уж так дело поворачивается... Короче, этот крутой и навороченный темно-синий кроссовер «Ауди Кью пять» принадлежит капитану Сидоренко из спецотдела по артефактам. Эта модель чуть ли не единственная в Искитиме, по крайней мере именно такого цвета. Сидоренко – гнилой тип, якшается с местными братками. И вот как раз его я встретил сегодня у входа в больницу. Более того, я точно знаю, что он там собирал информацию о Вафиде. Даже в морг заходил, чтобы осмотреть тело. Мне санитар сказал. Теперь ты знаешь практически все, что знаю я. Ну разве что за исключением каких-то моих личных дел. Твои выводы?

– Так сразу и выводы? – Михаил побарабанил пальцами по рулю. – А что тебе удалось выяснить в больнице?

– Почти ничего. Кроме того, что Вафида просила что-то передать отцу. То ли просила, то ли в бреду бормотала.

– Негусто. Но один вывод очевиден. То, что Сидоренко из больницы сразу отправился к Нагаеву, не может быть совпадением. Следовательно, он по каким-то причинам догадался, что Нагаев – отец Вафиды. Вернее, он догадался, что Вафида – дочь Нагаева.

– Нельзя исключать, что он и раньше знал, кто такая Вафида и кто ее отец, – сказал Колян. – И, узнав о смерти Вафиды, решил навестить ее отца.

– Верно. Примерно как ты. Ты ведь тоже, узнав о смерти Вафиды, решил навестить ее отца. Только намерения у вас, похоже, разные. Верно?

– Похоже. Предлагаю идти в дом – здесь мы ничего не высидим.

– Более того, – подхватил Стеблов, – можем и опоздать...

Калитка оказалась приоткрытой. Варнаков осторожно, опасаясь скрипа, распахнул ее и быстро огляделся. Да, знакомая картина...

Он увидел небольшой дворик, замощенный старой, выцветшей и растрескавшейся тротуарной плиткой; деревянные наличники изначально голубого цвета посерели и облупились; в левом углу двора, у окна в спальню, ветвистая акация. Некогда, еще в период бурных отношений с Вафидой, Колян заходил сюда несколько раз. За два минувших года здесь ничего не изменилось, разве что приобрело ощутимый налет запустения. А еще в нескольких метрах от калитки валялся труп Денеба – собаки Нагаева. Нагаев, много лет проработавший в Институте Внеземных Культур, назвал пса в честь теории о происхождении Зон Посещения. Старый был пес, полуслепой и совсем незлобный, однако же – пристрелили. Боялись лишнего шума? Тогда стреляли, видимо, из пистолета с глушителем.

Глава 7 Убить без шума

Жора Лежава

Август 2016 г. Четверг. Искитим

Жора взял со стола пиликающую трубку и нажал на кнопку вызова:

– Я слушаю, Бакай.

– Жора, у нас тут гости.

– В каком смысле?

– Подкатили двое на «Ниве» и зашли во двор.

– А эти?

– А эти по-прежнему у него.

– Хм... эти двое – в форме?

– Нет, в гражданке.

Жора посмотрел на экран монитора.

– Ты вот что, Бакай, поймей в виду. Мы пробили адрес. Там живет Нагаев Равиль Салихович, тысяча девятьсот пятьдесят первого года рождения. Запомнил?

– Запомнил. А кто такой? Я не знаю.

– А тебе, Бакай, и не надо много знать. Но учти, что это отец той самой бабы, которую мы ищем.

– Вафиды?

– Именно.

– Думаешь, старик – ценный кадр?

– Пока неясно. До этого к нему следов не было. Но теперь все может случиться. Так что не расслабляйтесь.

– Я понял, Жора. А с этими-то что делать?

– Пока ничего. Наблюдай. Может, они просто к старику в гости зашли. Но номера сри-суй.

Николай Варнаков

Искитим, дом Нагаева

Вход в одноэтажный кирпичный дом вел через веранду. Варнаков знаками велел напарнику встать у дверей, а сам двинулся в обход дома. Завернув за угол, услышал мужские голоса – они раздавались из открытого окна гостиной. Колян подкрался ближе и прислушался, вытянув шею. Заглядывать внутрь он не решился.

– В последний раз спрашиваю по-хорошему – какую информацию тебе передала Вафида? – произнес незнакомый мужской голос.

– Говорю же – не видел я ее вообще, – подрагивающий голос принадлежал Нагаеву. – Почти четыре месяца. Я вам и раньше уже говорил. Вы же тогда поверили, так ведь?

– Тогда поверил. А сейчас – нет. Врешь ты, Равиль.

– Зачем мне врать?

– Сейчас узнаем зачем. Серега, давай.

Раздался хлесткий звук удара, и Нагаев сдавленно охнул.

– Это только начало, – произнес первый голос. – И почти совсем не больно. Дальше будет хуже. Через пару минут Сергей сделает из твоей печени отбивную котлету. А если не

поможет, он натянет тебе на голову целлофановый пакет. Это очень неприятная процедура – поверь мне.

– Вы меня убьете – и все. У меня больное сердце.

– Спасибо, что предупредил. Серега будет тебя душить деликатно, чтобы поберечь твое нежное сердце. – Мужчина хохотнул. – Только вопрос – зачем тебе так долго мучиться? Ты же ученый, Нагаев. Значит, должен рассуждать рационально.

– Что вы... имеете в виду?

– То, что мы можем договориться. Пойми, старик, нам не нужна твоя жизнь. Ты безвреден. Но можешь стать полезным. Выделяю тебе по доброте душевной еще десять секунд. Потом для тебя начнется ад, старик.

– Дайте мне воды.

– Дадим. Мы же не звери. Серега, сходи на кухню.

– Вы бы хотя бы намекнули, о чем идет речь. – Нагаев кашлянул. – Я даже не представляю...

– Все ты представляешь. Неужели ты не слышал о цветке? Таком красивом лунном...

И снова, как и вчера при перестрелке в «карантинке», лишь звериное ощущение опасности спасло Варнакову жизнь. Он не успел подумать – резко обернулся, и всё. И увидел: на него, сжимая в руке широкий охотничий нож, пушечным ядром летит здоровенный мужик.

Откуда мужик к нему подобрался, Колян не понял; скорее всего – из-за сруба бани. Но это было и не важно. В эту секунду смертельно важным являлось то, что он успел сгруппироваться и прыгнуть вперед, выставив ногу. Ею Колян подсек нападавшего, который, перелетев через него, врезался плечом в кирпичную стену дома. Но едва Варнаков вскочил на ноги, как мужик уже снова стоял напротив него, выставив лезвие ножа.

Тогда Колян принял единственно верное в его положении решение. Он не ринулся на бугая в лобовую, потому что давно твердо усвоил – против лома нет приема. И не побежал направо мимо раскрытого окна – там его сразу заметили бы подельники нападавшего. И не дернулся назад, к бане, – гонка по пересеченной местности сада-огорода его не прельщала: он находился не в самой лучшей спортивной форме, а тут еще свежая рана плеча. Пустяковая, в целом, рана, но при нынешнем раскладе она могла решить все. И не в его пользу.

Моментально, на уровне подсознания, оценив ситуацию, Варнаков рванул налево, к углу дома. Там, во дворе, караулил Стеблов, и уж вдвоем они с бугаем как-нибудь справились бы. Но план не сработал. Он почти добежал до угла, но зацепил ногой куст помидоров и, поскользнувшись на влажной земле, плюхнулся на живот. От неминуемой гибели его избавило то, что он очень быстро изловчился перевернуться на спину – ведь мужик уже коршуном падал на него, целя лезвием в грудь. Колян сумел перехватить руку с ножом и тут же захрипел, оказавшись словно под стальным прессом.

Он не считал себя слабаком. Но амбал, внезапно напавший на него, был почти на голову выше; а весил, наверное, за сотню кило и сумел придавить противника, навалившись своей тушей. И Колян почти дрогнул, еще удерживая руку противника, несущую смерть, но делая это из последних сил.

Оба боролись молча. Варнаков боялся спугнуть людей в доме. Почему молчал амбал, оставалось лишь догадываться. Возможно, опасался или даже знал, что враг заявился не один, и тоже не хотел поднимать большого шума. Так или иначе, но Колян погибал почти в полной тишине, ее нарушало только хриплое дыхание врагов, сошедшихся в смертельной схватке.

Он удерживал руку с ножом, но амбал сумел выпростать вторую руку и вцепился ею в горло противника. В глазах Варнакова почернело, потом с бешеной скоростью завращались черно-белые круги. И в этот миг он почувствовал, что каменная хватка амбала резко ослабла.

Еще через мгновение тот захрипел и обмяк. Грубые и жесткие, словно сучки дерева, пальцы еще продолжали скрести по шее Коляна, но это уже была агония.

Круги перестали вращаться перед глазами, и Варнаков поймал в фокус Михаила. Стеблов стоял почти над ним, сжимая в кулаке кастет. Колян сделал несколько вдохов-выдохов, приходя в себя. Затем спихнул неподвижное тело и присел на корточки. Из разжавшейся ладони амбала выпал нож. Варнаков машинально поднял его и вдруг заметил, как из-за дальнего угла дома, откуда прибежал Стеблов, появилась чья-то тень.

– Падай! – прохрипел Колян.

На углу возникла фигура мужчины. В вытянутой руке он держал пистолет с глушителем.

Михаил, увидев ошалелое лицо напарника, рыбкой нырнул в кусты смородины, росшей у забора.

«Пух!» – негромко хлопнул выстрел. Стрелок, реагируя на движение, пальнул в Стеблова. И, промазав, потерял важную секунду.

Варнаков, не вставая, с полуприсида кинул тело вперед, одновременно выпрямляя руку с ножом.

Мужчина успел нажать на спусковой крючок, целясь на этот раз в Коляна. И снова промазал.

Нож вылетел из ладони Варнакова и, со свистом разрезав воздух, вонзился стрелявшему в грудь. Захрипев, тот стал медленно опускаться на колени, и Колян узнал в нем парня в сером джинсовом костюме – того самого, что сопровождал Сидоренко. Парень ещё попытался вскинуть руку с пистолетом, но слишком вяло, и Варнаков, подбежав, свалил его фирменным ударом ноги в голову. Затем схватил пистолет и, крикнув Стеблову: «В доме еще один!» – кинулся к входной двери. Она была распахнута. Колян пробежал через веранду, миновал коридор и метеором влетел в гостиную.

Он был готов к любым неожиданностям, но их лимит на данный момент, видимо, был исчерпан. В комнате он застал одного Нагаева. Старик, очень высокий и худой, сидел на полу у дальней стены, прикованный наручниками к трубе отопления. Увидев Варнакова, он слабо охнул и мотнул головой в сторону открытого окна.

– Где он?! Там? – крикнул Колян.

– Там, Коля. Сиганул в окно, сволочь.

Варнаков подскочил к окну, но никого не увидел.

В комнату вбежал Стеблов и, быстро сориентировавшись в обстановке, сказал:

– Он сюда не вернется. Ты лучше глянь на улицу, на месте ли машина. Только осторожней, у него тоже может быть оружие.

Синий «ауди» продолжал стоять на обочине. Варнаков, уже не торопясь, вернулся к телу «джинсового» и пощупал пульс. Взглянув на очень бледное, безжизненное лицо, обшарил карманы куртки. В нагрудном нашел удостоверение сотрудника полиции на имя старшего лейтенанта Пузика Сергея Емельяновича. В правом боковом кармане лежали ключи от наручников. Колян засунул руку в левый карман и почувствовал, как учащенно забилось сердце. Осторожно, будто опасаясь сломать нечто хрупкое, вытащил браслет из «черных брызг».

– Кто это? – на крыльце стоял Стеблов. – Документы есть?

– Есть. Как я и опасался – полицейский. Сергей Пузик из отдела Сидоренко.

Михаил присвистнул.

– Машина на месте?

– На месте.

– Значит, ушел огородами. Видимо, не рискнул во двор соваться. Думаешь, он тоже полицейский?

– Уверен, что это был Сидоренко. Видел их вместе у больницы.

– А этот, Пузик, живой?

– Пока дышит. Но пульс еле-еле.

– Фигово, Коля. Чем дальше, тем смешнее.

– Просто угораю со смеху.

– Может, вызовем «скорую»? – Вопрос Стеблова прозвучал неуверенно.

Варнаков промолчал.

– Что-то нет желания, – ответил сам себе Михаил. – Не стоит пороть горячку.

– Понимаю, – сказал Колян. – Но учти: если он умрет, мы перейдем Рубикон.

– А тебе не кажется, что мы его уже перешли? И сами не заметили когда.

– Думаешь, уже не отмазаться? Сидоренко сбежал, и рожа у него, похоже, тоже в пуху.

Так что, если следствие будет объективным...

– Сидоренко, судя по всему, сволочь, – процедил Стеблов. – Но вопрос в том, кто за ним стоит. И лично я не уверен, что мы доживем до следствия. Пора потолковать с Нагаевым.

– Вот это правильно. И наручники надо снять.

Варнаков показал ключи.

– Давай займись стариком, – сказал Михаил. – А я гляну на второго клиента. Сдается мне, что ему уже никакая «скорая» не поможет.

– Думаешь?

– Знаешь, я ему в основание черепа вломил. Испугался, что он тебя прикончит, ну и врезал со всей дури. Так что... но осмотреть его надо. Может, найду чего.

– Лады. Тогда заодно в баню загляни. На меня этот амбал из-за бани вылетел. Мало ли что... – Колян протянул Стеблову пистолет с глушителем. – Возьми на всякий случай.

Вернувшись в гостиную, Варнаков помог Нагаеву подняться с пола и подвел к дивану.

Старик, побряхтывая, сел.

– Спасибо, Коля. Я уж думал, что мне кранты.

– Сколько их было, Равиль Салихович?

– Видел троих.

– Чего они хотели?

– Я сам толком не понял. – Нагаев со стоном потер бок. – Вот сволочи. Спрашивали о Вафиде.

– О Вафиде? – Колян посмотрел в лицо старика. Но тот сидел с опущенной, полностью седой головой, продолжая поглаживать бок. – Разве она не погибла больше года назад?

– Я тоже долго думал, что погибла. Но...

– Что?

– Это долго рассказывать. Но весной я узнал, что она жива.

– Чего же вы мне не сообщили?

– А ты ею интересовался?

На этот раз уже Нагаев взглянул в лицо Варнакову, и тот отвел глаза.

– Ладно, Равиль Салихович, замнем для ясности. Чего хотели эти люди?

– Они требовали, чтобы я рассказал о том, где она скрывается. Но я ничего не знаю. – Старик всплеснул руками. – Господи, это походило на разговор глухонемых. Они кричали, били...

Он замолчал, увидев входящего в комнату Стеблова.

– Чего и следовало ожидать, – произнес тот в ответ на вопросительный взгляд Варнакова. – Пациент скончался, не приходя в сознание.

– Ясно. Равиль Салихович, – сказал Колян. – У нас мало времени. И нет возможности тратить его на вранье.

– Что? О чем ты, Коля? Я... – Старик поднял голову и запнулся, глядя на левую руку Варнакова. Тот держал в ней браслет из «черных брызг».

Глава 8 Смертельные секреты

Варнаков и другие

Август 2016 г. Четверг. Искитим, дом Нагаева

– Что это? – с недоумением спросил Нагаев, продолжая смотреть на браслет.

– Не узнаете? – с иронией отозвался Варнаков. – Это браслет Вафиды.

– Но у нее не было браслета. У нее...

– Верно, у нее было ожерелье из «брызг», которое я подарил ей перед свадьбой. А себе я тогда сделал браслет. Вот, – Колян показал запястье правой руки, – ношу до сих пор. Я не знаю, куда делось ее ожерелье. Но уверен, что вот этот браслет переделан из ожерелья. Скорее всего, Вафида сама и переделала. Правда, не знаю для чего.

– Почему ты уверен? – спросил Стеблов.

– Потому что здесь такие же держатели для «брызг» – из белого золота. Но главное не в этом. Важнее то, что браслет был снят с руки Вафиды.

– Кем снят?

– Полицейским Пузиком. Тем, который сейчас валяется во дворе. Снят сегодня утром. – Варнаков сделал паузу и многозначительно покосился на Стеблова.

– Я не понимаю, – подрагивающим голосом произнес Нагаев. – Если они сняли браслет с руки Вафиды, значит, она находится у них. Но они говорили, что не могут ее найти.

– Они не могли такого говорить, Равиль Салихович. Здесь вы явно что-то путаете. Или, простите, врете.

– Почему??? – с возмущением спросил Нагаев.

– Потому что они сняли браслет с руки мертвой Вафиды.

Старик побелел как мел и застыл с открытым ртом.

– Откуда ты знаешь, что сняли? – спросил Стеблов.

– Я видел браслет на ней вчера, когда мы везли ее в больницу, – сказал Колян. – Хотел его снять, но не смог. Знаешь, суеверие какое-то... Надеялся, что она выживет. Когда утром мне сообщили, что Вафида умерла, я спустился в морг. Но браслета на ней не было. Сначала я подумал, что браслет снял кто-то из медицинских работников. Ведь, по идее, положено такого пациента, находящегося без сознания, как-то... привести в божеский вид, что ли. Снять одежду, помыть-обмыть... Но оказалось, что Вафиду просто кинули на кровать, поставили капельницу, и все. А то и не ставили. Я даже не уверен, что к ней подходил врач.

Я это понял, когда увидел Вафиду и переговорил с санитаром в морге. Он сказал, что ее так и привезли – в грязной и окровавленной одежде. А потом пришли двое полицейских и осмотрели труп. У меня не было уверенности, что санитар говорит правду. Ведь он мог обшарить труп и запросто снять браслет. Однако браслет оказался в кармане Пузика.

Он повертел браслет Вафиды в руке и засунул в нагрудный карман разгрузочного жилета.

– Я не знал, что Вафида умерла, клянусь вам! – По щекам Нагаева потекли слезы. – Да, я немного... солгал. Они сказали, что поймали Вафиду, и в подтверждение показали браслет. Вафида, по их словам, уперлась и не хочет сообщать какую-то важную информацию. Однако я могу спасти ее, если расскажу то, что знаю. Тогда ее не будут пытаться убивать, потому что им нужна информация, а не трупы. Так они говорили. Это правда, честное слово.

– Это похоже на правду, – произнес Михаил. – Они могли скрывать от него факт смерти дочери. Живым человеком можно шантажировать, требуя информации, денег, лояльности

– да чего угодно. Возможно, они опасались, что, узнав о смерти Вафиды, он упрется и не скажет ничего.

– Предположим, – сказал Варнаков. – Но что именно их интересовало? А, Равиль Салихович?

Нагаев вздохнул и пожал плечами:

– Я так и не понял. Не успел понять, потому что вмешались вы.

– Так. – Колян криво усмехнулся. – Опять двадцать пять. Начнем с другого конца. Вы знали о том, что Вафиду разыскивают бандиты?

– Знал, – после паузы ответил Нагаев.

– На основании чего?

– Понимаете, мне об этом сообщили сами бандиты месяца два назад. Они искали ее и пришли ко мне. Однако тогда я ничего не знал и, естественно, не мог ничего сказать. Они меня попугали, ударили несколько раз, в доме все перерыли. Даже жесткий диск с компьютера сняли. Не вернули, кстати. И ушли, предупредив, чтобы я сообщил им о Вафиде. Ну если она объявится. А потом, немного позже, ко мне приехал этот человек, который приходил сегодня.

– Капитан Сидоренко?

– Да. И он тоже расспрашивал меня о Вафиде. Вот.

– Он расспрашивал вас лишь о Вафиде или еще о чем-то?

– Да, по сути, лишь о ней. Ходил вокруг да около.

– Но ведь сегодня, если верить вашим словам, Сидоренко утверждал, что Вафида находится у них. Значит, он расспрашивал уже о чем-то другом. О чем именно?

– Ну... знаете... Знаете, это всё...

Нагаев замолчал и уставился в пол.

– Колян, – сказал Стеблов. – У нас совсем не осталось времени. Нам надо сматываться и вообще что-то делать.

– Ладно. – Варнаков взял стул, поднес его к дивану и уселся напротив Нагаева. – Я подскажу вам, Равиль Салихович, что именно интересовало бандитов и Сидоренко. Подскажу, раз у вас так плохо с памятью. Их интересовал цветок, верно?

– Какой еще цветок?

– Лунный Цветок, какой же еще? Ай гуль.

– Что? – Лицо Нагаева дрогнуло. – Как ты сказал?

– Я сказал «ай гуль». В переводе – «лунный цветок». Ведь именно он интересовал всех этих граждан, верно? И не надо мне говорить, что вы ничего не слышали о Лунном Цветке. Не поверю.

– Я слышал о нем – болтают всякое. Но почему ты решил, что их интересовал именно Лунный Цветок?

– Ну, во-первых, я услышал часть вашего разговора с капитаном Сидоренко. Вернее, часть допроса. А во-вторых, о Лунном Цветке говорила Вафида.

– Вафида говорила о Лунном Цветке??? – Зрачки Нагаева расширились.

– Да, перед самой смертью, в палате. Она говорила: «Передайте отцу» и еще: «Ай гуль». Правда, это было неразборчиво. Возможно, она хотела сказать «Передайте отцу про ай гуль». Или, возможно, «Передайте отцу, пусть найдет ай гуль». Что-то в этом роде. С чего бы ей такое говорить перед смертью?

– Вот оно что... – В тусклых глазах Нагаева появился блеск. – Вот оно как.

– Решайтесь, Равиль Салихович, – устало сказал Варнаков. – Либо мы сейчас уезжаем и оставляем вас с вашими проблемами. И с трупами, кстати, тоже. Либо вы играете с нами начистоту. Итак?

– Итак... – повторил Нагаев. – Значит, вас тоже интересует Лунный Цветок?

– Чем мы хуже других? – Колян усмехнулся. – Хотя лично я, в первую очередь, просто хочу понять, из-за чего погибла Вафида. И из-за кого, к слову, тоже. Если знаете – выкладывайте.

– Ладно, давайте начистоту, – с решительным лицом произнес Нагаев. – Речь и вправду идет о Лунном Цветке. Вафида и вправду искала его последние месяцы и, насколько я понимаю, нашла. Она знала, что я тяжело болен, и очень хотела мне помочь. Сам Цветок меня не спасет, но за него можно выручить сумасшедшие деньги. Вернее, за его плоды. Денег вполне хватит на любую операцию за границей. И на то, чтобы жить за границей. И вообще – на десять жизней, если грамотно распорядиться этим богатством.

– Так он на самом деле существует, этот Цветок? – спросил Стеблов.

– Да.

– И вы знаете, как его найти?

– И не только его. Вафида составила карту. Цветок растет в одном укромном месте – Вафида называла его Убежищем. Там не только Цветок – там еще и куча артефактов. В том числе очень ценных.

– Каких, к примеру? – Михаил прочно взял допрос в свои руки.

– К примеру, «смерть-лампа». Вафида находила артефакты и стаскивала их в Убежище. За ней начали настоящую охоту, поэтому ей пришлось скрываться. Она даже не могла продать артефакты, потому что ее тут же вычислили бы.

– Но чего вы с ней ждали, если она нашла Цветок? Собрали бы плоды и убрались отсюда. Чего ждать, если каждый плод стоит целое состояние? Ведь так?

– Так. Но не так просто это сделать, когда все за тобой следят. Кроме того, Вафида нашла Цветок совсем недавно. А еще... он плодоносит не каждый день. Нужно выждать почти месяц.

– По-моему, для начала информации достаточно, – сказал Варнаков, посмотрев на часы. – Общая ситуация мне ясна. Осталось решить, что делать дальше.

– А у нас есть выбор? – спросил Стеблов.

– Думаю, пока еще есть.

– Ты о чем?

– Сидоренко явно действовал вне рамок закона, – сказал Колян. – Я пока не знаю, кем был этот тип, напавший на меня с ножом...

– Я, кажется, знаю. Я осмотрел его – все тело в наколках. Типичный браток.

– Думаешь, Сидоренко взял его на подмогу?

– Может, и взял. А может быть, его, наоборот, к Сидоренко приставили – и для помощи, и для контроля.

– Возможно и такое, – согласился Варнаков. – Но именно об этом я и хотел сказать – о том, что Сидоренко связан с бандитами. И наличие здесь трупа бандита свидетельствует в нашу пользу. Если мы сейчас поедem в следственный комитет и дадим соответствующие показания, плюс показания Рафиля Салиховича, то... Короче, есть шансы выкрутиться и доказать правомочность наших действий.

– Коля, ты веришь в объективность искитимского следствия?

– Не верю. Но шансы есть. А еще я не хочу очутиться вне закона. Если мы сейчас всё бросим и смоемся, тогда инициатива окажется у Сидоренко. И он повернет ситуацию в свою сторону.

– Сидоренко заинтересован в том, чтобы замять историю. Он, скорее...

– Зря вы спорите, – вмешался Нагаев. – Нет у нас выбора. По крайней мере – у меня. Если я поеду в следственный комитет, то мне уже не вырваться. И до меня обязательно доберутся: если не бандиты, то...

– Мне кажется, вы сгущаете краски.

– Нет, Коля. Это ты не понимаешь, что за всем этим стоит. И поставим точку. Я не буду давать показания. Ни-ко-му! А без них вам придется туго. Простите, парни, но у меня нет иного варианта.

– Что вы предлагаете? – быстро спросил Стеблов.

– Я предлагаю, чтобы вы помогли мне. А я помогу вам. Если мы доберемся до Убежища, я решу свои проблемы. А вы получите такие возможности, в первую очередь – деньги, что ваши нынешние проблемы окажутся сущими пустяками.

– Это гипотетически, – сказал Колян. – А на практике мы можем получить реальные сроки.

– Ерунда, – Михаил отрицательно мотнул головой. Его явно заинтересовало предложение Нагаева. А вот позиция Варнакова совсем не вызывала энтузиазма. – Если мы сейчас смоемся, то пусть еще попробуют пристегнуть нас к этим трупам. Улики мы сейчас подчистим, Сидоренко уж точно не свидетель обвинения... а служебная проверка по поводу вчерашней перестрелки на Чайковского – вообще мелочь. В худшем случае уволят нас из полиции – ну и фиг с ним! Мне давно эта бодяга надоела – пахать на государство. Доберемся до Убежища – обеспечим себя до конца жизни.

– Если все так просто, почему бы нам сейчас просто не поехать по домам? – с сарказмом произнес Колян.

Он не любил менять свою точку зрения. Он выяснил почти все, что изначально хотел знать. А поиски таинственного Цветка, в которые его пытались втянуть Нагаев и Стеблов, казались ему аферой. На хера ему этот Лунный Цветок с его волшебными плодами? Из-за денег? Лично ему много не надо. Не будет хватать на виски – перейдет на водку. Он не хотел изменений в жизни. Зачем, если все, в принципе, лишено смысла?

– А Равиль Салихович – ну пусть сам решает, – добавил Колян. – Если не хочет давать показания, то... то это – его проблемы. Пусть ищет свое Убежище. А мы и так уже приключений отгребли на свои задницы.

– А вот тут ты неправ! – вскинулся Стеблов. – Приключения лишь начинаются. Тут все совсем не просто, и мы уже встряли в очень серьезное дело. Просто отойти в сторонку не получится – не оставят нас в покое.

– Почему, черт возьми?!

– Да потому, что мы уже сунули свои носы туда, куда не положено. Вернее, ты сунул, а я, дурак, увязался за компанию. И никто теперь не поверит, что мы не при делах. Пойми, дурья твоя башка! – Михаил разошелся не на шутку. – В лучшем случае нас уберут, как опасных свидетелей. В худшем – шкуру сдерут, выпытывая то, чего мы не знаем вовсе. Это называется – пропасть ни за хрен собачий. А я так не хочу. Я хочу сам вести игру. Доберемся до Убежища – все козыри будут в наших руках.

«Интересно, – подумал Варнаков. – Михалыч так за себя испугался? Или разбогатеть захотелось? На Сахалине-то небось капитала не скопил».

– Твой приятель верно говорит, Коля, – сказал Нагаев, подливая масла в огонь. – Или грудь в крестах, или голова в кустах. А в сортире отсидеться не получится.

Светло-карие глаза Варнакова сузились и потемнели.

– По поводу сортира – это вы зря, Равиль Салихович. – Он стоял, набычившись, коренастый, но поджарый, как молодой и злобный волк. – Это вы за свою шкуру трясетесь. И всегда лишь о себе думали. А я...

Он осекся и, взмахнув рукой, вышел из комнаты.

– О чем это он? – спросил Стеблов.

– Да так. Это наше личное... – Лицо Нагаева покраснелось. То ли от избытка эмоций, то ли... – Коля, в сущности, парень хороший. Но своеобразный. Особенно после того, как... знаете, есть такое выражение – потерять себя... Да, зря я о сортире помянул.

– Все не зря. – Михаил приблизился к открытому окну и с неожиданной для человека такой комплекции грацией легко перемахнул через подоконник. Обернувшись, подмигнул Нагаеву. – Я тут у вас в кусты схожу для профилактики. Заодно осмотрю окрестности. У вас участок, я вижу, большой.

– Пятнадцать соток.

– Ого! А с той стороны кто, соседи?

– Нет. Там кусты и небольшой обрыв. Речка там, Черная.

– Понял. А вы пока быстренько пакуйте вещи. Много не берите, так, на одну спортивную сумку. А еще лучше – положите в рюкзак. Мы ведь с вами, в ближайшей перспективе, в Зону собираемся прогуляться, правильно я мыслю?

Стеблов опять подмигнул.

– На Территорию, – сухо поправил Нагаев. – Не упоминайте имя черта всеу...

Когда Стеблов появился во дворе, Варнаков и Нагаев уже стояли там, негромко и как бы нехотя переговариваясь.

Увидев напарника, Колян без выражения произнес:

– Заметил? Пузик тоже откинулся.

Михаил пожал плечами:

– Чего и следовало ожидать. Это даже к лучшему – никому не расскажет о том, кто его грохнул. – И деловито добавил: – Ну что, по коням? План действий наметили?

– Наметили, – все с тем же хмурым выражением на лице отозвался Колян. – Сейчас едем к сыну Равиля Салиховича. Точнее, к пасынку. Правда, возникла одна проблема – Равиль Салихович не знает, где карта.

– Не понял. – Стеблов с недоумением уставился на старика. – Вы же говорили, что Вафида оставила карту.

– Не оставила, а составила. Тут, видите ли, вот в чем дело. – Нагаев сглотнул слюну и начал торопливо пояснять: – Вафида так и не сообщила мне, где хранится карта, – она боялась, что бандиты станут меня пытаться, и я все расскажу. Честно говоря, она имела основание так думать... Так вот, Вафида продумала определенную систему безопасности. Она сообщила, что будет давать знать о себе каждые шесть дней – посылать очень короткие эсэмэски с кодовым словом. Если сообщений не будет более шести суток или я из каких-то источников узнаю о смерти Вафиды, тогда я могу действовать самостоятельно. Чтобы узнать о том, где спрятана карта, я должен буду переговорить с Закиром. Это мой пасынок.

– То есть Закир знает, где карта?

– Нет, не думаю. Ведь Закира тоже могли пытаться. Вафида указала: переговоришь с Закиром и все поймешь. Но из этого не следует, что у Закира есть точная информация.

– Бред какой-то, – пробурчал Михаил.

– Да. Ясности тут немного. – Нагаев виновато развел руками. – Но это в духе Вафиды – она с детства любила тайны, вечно что-то придумывала.

– Вот объясните мне. Вы сказали, что Вафида «сообщила». Вы с ней в последнее время разговаривали?

– Нет. Она прислала мне короткое письмо на электронную почту, попросила, чтобы я сделал новый «ящик» и сообщил ей адрес. При этом она потребовала, чтобы я никогда не связывался с ней с домашнего компьютера.

– И как вы связывались? – Стеблов вел себя как профессиональный следователь. Вопросы сыпались из него, как из рога изобилия.

– Я ходил в Интернет-кафе, там получал ее сообщения и отвечал. Но мы очень мало переписывались.

– Понятно. А с Закиром вы не пробовали переговорить? Я имею в виду, не дожидаться, пока с Вафидой что-то случится, а еще до этого переговорить с Закиром.

– Для чего?

– Для того чтобы узнать, где находится карта.

– Нет, не пробовал. – Нагаев грустно усмехнулся. – Поймите меня, я не хотел ввязываться в эту историю без крайней необходимости. Ну, предположим, догадаюсь я о том, где находится карта. А дальше что? В Убежище я без разрешения Вафиды все равно бы не пошел. Да и плохой из меня сейчас ходок – артроз замучил. И сердце дырявое. Зато я буду знать о карте, следовательно, могу выдать ее местонахождение тем же бандитам. И зачем мне это?

– Интересный вы человек, Равиль Салихович, – с неопределенной интонацией протянул Михаил. – Я бы от любопытства извелся.

– Так вы еще молодой. А я старый. И давно понял, что прав был один древний иудей. Он утверждал, что умножающий знание умножает печаль¹⁶.

– Ну нам-то сейчас без знания никак не обойтись, – изрек Стеблов. – Теперь понятно, зачем мы едем к Закиру.

– Да, чуть не забыл.

Нагаев вытащил из кармана мобильный телефон и собрался набрать номер, но Стеблов мягко взял его за руку:

– Что вы хотите сделать?

– Наверное, надо Закира предупредить.

– Не стоит этого делать. И вообще – лучше вам избавиться от своего телефона.

– Почему?

– Береженого Бог бережет.

– Хотите сказать – прослушка? – Нагаев поежился. – Спецслужбы?

– Не исключено. Но еще хуже, если вас прослушивают бандиты.

– Разве они могут?

– Смотря что за бандиты, – вмешался Варнаков. – Наши искитимские авторитеты такими вещами не увлекаются – сложновато это для них. Да и накладно – профессиональное оборудование очень дорого стоит. Им проще по старинке – паяльником, там, в задницу или «хвоста» приставить. Верх пилотажа, если «жучка» прилепят. Но есть тут в Искиitime один перец, некий Арсений Чибисов – депутат и владелец заводов, дворцов, пароходов. Вот он способен на многое.

– Это Арчибальд, что ли? – спросил Стеблов.

– Он самый.

– Слышал о таком.

– Еще бы, – сказал Колян, скривившись. – Он тут, что называется, медийная персона. Так или иначе, Равиль Салихович, Михаил прав. Даже если ваш телефон и не поставили на прослушку, то его элементарно могут запеленговать.

– А ваши телефоны?

Варнаков и Стеблов переглянулись.

– Резонно, – сказал Колян. – Но вряд ли нас возьмут под колпак так быстро. Сделаем так: ваш телефон выбрасываем, вы звоните Закиру с моей трубы. А потом я ее выброшу. И тебе, Михалыч, лучше избавиться от своего айфона.

– Не будем пороть горячку, – сказал Стеблов. – Свою трубку я пока оставлю. Вдруг потребуются куда-то срочно звякнуть? Не думаю, что меня кто-то быстро заподозрит. Вот ты, Колян, засветился уже изрядно. А меня Сидоренко вряд ли видел.

– Убедил, – с неохотой согласился Варнаков. – Ну что, тронулись?

---

¹⁶ «От многот мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль» – слова из ветхозаветной Книги Екклесиаста.

– Тронулись. – Михаил кивнул. – Только поостеречься не мешает. Вдруг с улицы за домом еще кто-то наблюдает? Я правильно понял, Равиль Салихович, что здесь, вдоль речки, можно дойти до соседнего проулка?

– Правильно, – сказал Нагаев.

– Тогда сделаем так. Я выхожу один, сажусь в машину и доезжаю до речки по переулку. А вы вдвоем добираетесь туда по берегу. Если что...

– Если что, – подхватил Колян, – то в плен не сдаемся и пленных не берем.

Глава 9 Операция «Будда»

Майор Коноплев и другие

Август 2016 г. Четверг. Искитим, здание ФСБ

Темноволосый человек с седыми висками окинул холодным взглядом собравшихся в кабинете людей и буркнул:

– Начинаем. Командуйте, Герман Георгиевич.

Сидящий первым по правую руку мужчина в сером костюме с готовностью кивнул и перевел стрелки:

– Доложит майор Коноплев. Он непосредственно отвечает за оперативное сопровождение операции «Будда».

У майора было слегка помятое лицо и припухшие веки. Он встал и, раскрыв кожаную папку коричневого цвета, заговорил:

– Розыскное дело на Вафиду Нагаеву мы начали второго июня, после того как получили оперативную информацию из Международного Института Внеземных Культур. Как вы, наверное, знаете, Нагаева похитила «объект» и исчезла с ним тридцатого мая, но руководство Института первоначально держало происшествие в секрете. Вернее, даже не столько руководство Института, сколько служба безопасности, подчиняющаяся командованию UFOR. Руководит службой майор Разуваев, специалист, в принципе, толковый, профи, но там они явно прошляпили. Ну и пытались исправить ситуацию по горячим следам. Однако не вышло. Мы...

– Подождите, – прервал человек с седыми висками. – Что значит «прошляпили»? Конкретнее. Это же важные детали.

– Виноват, товарищ генерал. Мы посылали подробный отчет, и я считал...

– Считать вы свою зарплату будете, Коноплев, – недовольно вмешался Герман Георгиевич. – Когда останетесь без премии. Отвечайте по сути.

– Понял, товарищ полковник. Так вот, товарищ генерал, по поводу «прошляпили». В лаборатории Института, изучавшей уникальные особенности «объекта», работал некто Анатолий Егорович Дробыш. Он уроженец Тальменки, где до сих пор живет его отец. Во время одного из приездов в Тальменку Дробыш познакомился с Вафидой. Ну и, видимо, сильно влюбился. Другую причину, объясняющую его дальнейшее поведение, найти трудно.

– Это установленная причина или предполагаемая? – спросил генерал.

– Предполагаемая.

– Тогда не фантазируйте. Факты, и только факты, майор. Распустились вы тут, в сибирской глубинке.

– Виноват, товарищ генерал. Так вот, этот Дробыш, работая в лаборатории программистом, имел доступ ко многим помещениям, знал коды и другую секретную информацию. В общем, он непосредственно и организовал похищение «объекта». А служба безопасности недоглядела. Пока они самостоятельно вели поиск, Нагаева вместе с «объектом» и в сопровождении Дробыша ушла на территорию Зоны. Мы знаем, что их преследовали спецназовцы из батальона особого назначения военной полиции, но безуспешно.

– В каком смысле?

– Они потеряли след, да еще проводник погиб. И только потом уфоровцы обратились к нам за помощью по дипломатическим каналам. Но это было уже в середине июня.

До этого мы располагали лишь оперативными данными. Мы вели самостоятельные поиски «объекта», но вы же понимаете – работа наших людей на территории Зоны очень затруднена.

– Майор хотел сказать, – уточнил полковник, – что легально в Зоне могут находиться исключительно сотрудники подразделений, действующих под эгидой UFOR.

– Я в курсе, Герман Георгиевич, – откликнулся генерал. – Должен заметить, что в Кремле крайне недовольны таким положением дел, и ТАМ, – генерал многозначительно закатил глаза к потолку, – предпринимаются определенные шаги. Но это сугубо между нами. Скажите, майор, а почему все-таки уфоровцы обратились к нам за помощью? До середины июня молчали и скрывали обстоятельства, а потом вдруг решили выйти на нас?

– Ну, во-первых, там назревал скандал. Видите ли, «объект» исследовала интернациональная группа ученых. Там, кроме россиян, был немецкий ученый, ученый из Китая... а шила в мешке не утаишь. Но к основной причине я, собственно, и собирался перейти. Уфоровцы получили информацию о том, что Нагаева объявилась в Искитиме, – а это уже вне пределов юрисдикции UFOR. Однако они пошли на риск и попробовали задержать Нагаеву в кафе «Радиант» – это такая местная забегаловка, где собираются сталкеры, барыги и прочая подобная публика. Действовали они, разумеется, нелегально, надеясь повернуть операцию под видом бандитской разборки. И надо же – натолкнулись на реальных бандитов из группировки криминального авторитета Родиона Волчкова по кличке Волчок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.